

768 В

Доп.
П

В.А.ХОМУТОВ.

Ср.
Х 76

РЫБАКИ НА ВОЛГЕ.

768 В

РИСУНКИ

А. ЖАБА.

РАДУГА -

1000000000

1000000000

1000000000

Доп.

Ср. X 76

X 768

В. А. ХОМУТОВ

РЫБАКИ
НА
ВОЛГЕ

РИСУНКИ А. ЖАБА

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЛЕНИНГРАД

„РАДУГА“

МОСКВА

36730

1857-58 г.

26178

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ ИЖИ
ДЕТГИЗА

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
им.
В. И. Ленин

ОБЩЕСТВО
44

Ду 28 1958

Ленинградский Гублит № 25137. Заказ № 2360. Тираж 6000.

Типо-литография „Вестник Ленинградского Совета“, 2-я Советская, 7

I

ПЕРЕД ЛОВЛЕЙ

Тихий и ясный весенний вечер медленно спускался над Волгой. Солнце посылало из-за прибрежной горы свой прощальный и мягкий свет затихавшей природе. Величавая красавица река, словно уставшая за день, лениво несла свои воды в далекую, синюю даль. Будто в полусне тихо двигался по течению громадный плот сплавных бревен. Трудно было глазом заметить, плывет он или стоит на месте; казалось, что и он остановился и замер, утомленный дневным шумом, суетой, криками и движением.

На берегу, где по крутому оврагу спускался к реке густой лиственный лес, была такая же

торжественная тишина. День кончился. Приближалась спокойная, безмятежная ночь, и все над Волгой словно дремало в ленивой истоме покоя.

Под нагорным берегом бесшумно и медленно скользила небольшая лодка. Гребцы положили весла и отдались течению, которое несло их к далекому, озаренному розовым светом, городу.

Их было трое в лодке. Они праздновали конец зимнего ученья и начало летнего отдыха. Вчера кончились в трудовой школе уроки; учеников распустили на лето и учитель школы Сергей Павлович Зотов со своим племянником, 13-ти летним Юрием Спешневым, и его приятелем Шуриком Ильинским, перебрались в село Мантурово, где Зотов с женой снимал на лето две комнаты у знакомого рыбака-промышленника Луки Трофимова.

Оба мальчика давно мечтали об этом летнем отдыхе. Зотов обещал им ловить с ними вместе рыбу на Волге и научить разным способам лова.

Они долго плыли молча, наслаждаясь и чудным, тихим вечером, и радостным сознанием наступившего отдыха. Зотов взглянул вдаль, где под обрывом нагорного берега, близ самой полосы прибрежного песка, стояла лодка, и сказал своим спутникам:

— Это знакомый рыбак Илья Павлович рыбу удит. Поедемте к нему.

Зотов приставил руки ко рту и громко, протяжно крикнул:

— Иль-я Па-вло-вич!..

И эхо ответило ему из прибрежного леса «Па-вло-вич!».

Рыбак оторвался от ловли, поднял голову и, узнав Зотова, крикнул:

— Держите к берегу!..

Лодка описала полукруг и стала приближаться к полосе берегового песка.

— Здравствуй, Илья Павлович!—сказал Зотов, вылезая на берег.—Как улов?

— Да ничего, клюет помаленьку, — ответил рыбак. — Нынче лето будет хорошее: разлив был большой и весна дружная.—А ты что же — продолжал он, — в Мантурово к нам перебрался? Хочешь опять, как в старые годы, рыбой заняться?

— Да!—ответил Зотов.—Как наступит весна, так меня на Волгу и тянет. Да к тому же вот и племянника с приятелем с собой привез. Хотят поучиться рыбной ловле и моих рассказов о ней послушать.

— Что-ж, это дело доброе—заметил рыбак.— Пускай поглядят, поучатся. На Волге растут: нельзя им рыбы не знать.

— Дядя Сережа, — спросил Спешнев.—Какую он рыбу ловит?

— Он ловит язей «на приколе».

— А что это значит «ловить на приколе»?

— Это я вам в другой раз расскажу, когда сами поедем ловить язей. А пока я хочу вам вообще рассказать об обстановке, в которой рыбная ловля производится, и как надо добиться успеха.

— Да, да, Сергей Павлович!—обратился к Зотову Шурик Ильинский.—Вы еще в городе нам обещали рассказать, как надо рыбу ловить. Помните, вы нам сказали, что будете читать «рыбные лекции».

— Я свое обещанье исполню; хотите, — хоть сейчас.

— Пожалуйста, — ответили в один голос и Спешнев, и Ильинский.

Зотов сел на песок; около него пристроились оба мальчика:

— Мы слушаем, — сказал Ильинский.

— Не думайте, просвещенные граждане, — начал полшутливым тоном свою «лекцию» Сергей Павлович. — Не думайте, что каждый, взявший в руки удочку, усевшийся в лодке или ставший на берегу реки и закинувший удочку в воду, уже может считать себя рыбаком. — Когда десятилетний деревенский карапуз бегаёт босыми ножёнками по берегу ручья и сует в воду привязанную к палке ниточку, к которой приделана согнутая крючком булавка с на-

саженной на нее мухой или червяком, он наверное воображает, что он «рыбак» и что он «удит» рыбу. В действительности, это только детская мечта и больше ничего. Для того, чтобы быть настоящим рыбаком, надо знать и много знать.— Прежде всего надо знать, как плодится, где и

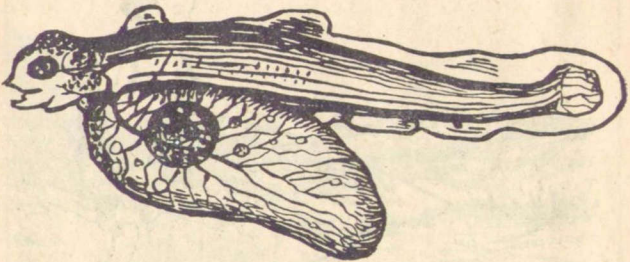

как живет и чем питается рыба.—Рыба плодится таким путем: в теле самки вырабатываются икринки, которые в сущности представляют собой то же самое яйцо. В определенное время года самка выбрасывает икринки, или, как говорят, «мечет икру».—Она мечет икру на дно, на подводные растения, на камни, на каряги; но эти отделившиеся от матери яички еще не оплодотворены. К выметанной икре приближается самец и выделяет из себя на икру «молóки»,—

так сказать, поливает икру и этим ее оплодотворяет.

— Я помню, один рыбак говорил,—вставил свое замечание Спешнев,—что это оплодотворение рыбаки называют «нерест».

— Правильно, Юрий! — подтвердил Сергей Павлович. — В икринках создаются зародыши

Молодь с желточным мешком.

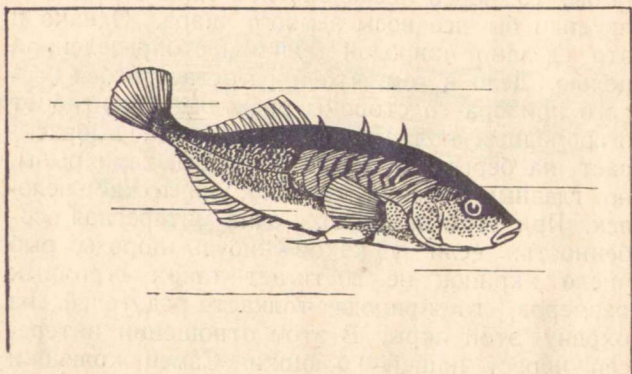
рыб, которые через некоторое время прорывают оболочку, как цыпленок вылупляется из яйца. Только про рыб не говорят, что они «вылупились», а говорят—«выклюнулись».—С этого времени родившаяся рыбка или, точнее, «молодь» начинает жить самостоятельной жизнью. В первые дни она еще не в силах добывать себе пищу, но природа об этом заранее позаботилась.—Выклюнувшаяся молодь снабжена большим желточным мешком и первые дни своего существования молодые рыбки впитывают в себя этот желток и этим кормятся, а потом переходят уже окончательно к самостоятельной жизни.—Самки рыб выметывают громадное количество

икринок. Рыба средних размеров, которая водится в наших водах, как окунь, судак или лещ, мечет не менее ста тысяч икринок, а у осетра, например, это количество достигает нескольких миллионов. Наконец, самая плодовитая рыба это треска. Она мечет больше 9-ти миллионов икринок. Если бы из всей этой икры выходили рыбы, то через несколько лет одни осетры запрудили бы все воды земного шара. Однако и это сделано природой мудро и с определенной целью. Дело в том, что икра остается без всякого призора со стороны родителей: она гибнет в громадных количествах. Ее волной выбрасывает на берег, ее поедают птицы, сами рыбы, но, главным образом, конечно, уничтожает человек. При этом замечается одна интересная особенность: если у какой-нибудь породы рыб число икринок не достигает таких огромных размеров, то природа толкает родителей на охрану этой икры. В этом отношении интересен нерест нашей колюшки. Самец колюшки устраивает на дне гнездо, выстилает его листьями, приводит в гнездо самку, и она там в течение месяца мечет икру, а самец эту икру оплодотворяет. Колюшка выметывает всего около ста икринок и, когда она кончит метать, самец остается у гнезда, охраняет икру, и между прочим сторожит ее именно от самки, которая пытается свою же икру съесть. Когда выклюнется молодь, отец ходит вместе с молодыми стаями и охраняет их от врагов, пока они не освоятся в новой для них жизни.

Сергей Павлович на минуту прервал свой рассказ и спросил:

— Может быть, остальные общие сведения о рыбах я сообщу вам в другое время? То, что я вам рассказываю, может показаться вам и длинным и скучным.

— Нет, нет, Сергей Павлович, — возразил Ильинский. — Вы расскажите нам до конца сегодня же.

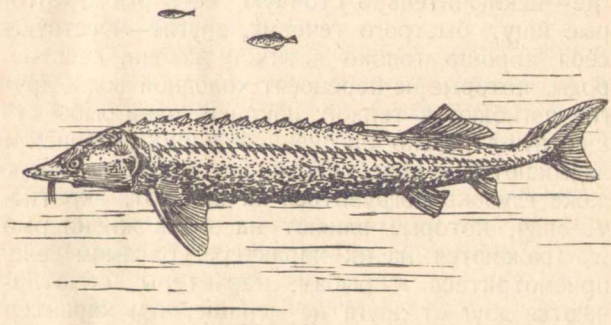
Колюшка.

— Теперь я скажу вам несколько слов о рыбах вообще, а об отдельных породах и о рыболовных снастях мы будем беседовать постепенно, по мере нашей ловли.

Зотов продолжал свой рассказ:

— Я хочу сказать вам, что, несмотря на общий характер строения и размножения рыб, природа на протяжении сотен веков дробила рыб на массы видов и пород. Сейчас на земном шаре насчитывается до десяти тысяч видов рыб,

из которых около двух тысяч приходится на рыб речных, а остальные восемь тысяч видов дают рыбы, живущие в соленых водах. Какое разнообразие размеров, форм, долговечности, образа жизни, способов питания дает нам это рыбное царство! Начиная от нашего пискаря или уклейки, которые весят несколько золот-

Пескарь и белуга.

ников, и до белуги, которая доходит весом до 90 пудов! То же самое относительно размеров: если наша мелкая рыбёшка иногда бывает значительно меньше вершка, то другие крупные рыбы достигают чудовищных размеров в две слишком сажени. — Живут рыбы одни — всего год или два, а другие — столетиями. При случае я приведу вам примеры этой долговечности. То же разнообразие и в питании рыб: одни едят только частицы растений или насекомых, другие уничтожают уже более мелких рыб, третьи, наконец, являются настоящими хищни-

ками, как щука, сом или акула. Всё это бесконечное разнообразие отражается и на местопребывании рыб, и на их образе жизни, и на их нравах. Вспомните хотя бы о том, в каких различных водах живет рыба: одни держатся только в соленой воде, другие—только в пресной; одни выбирают себе проточную воду, другие—исключительно стоячую; есть рыбы, которые ищут быстрого течения, другие—чувствуют себя хорошо только в тихой заводи; есть породы, которые не переносят холодной воды, другие погибают в теплой; наконец, одни рыбы существуют только на очень больших глубинах и задыхаются у поверхности, другие же не могут даже глубоко погрузиться на дно. Вот, вкратце, условия, которые влияют на образ жизни рыб и отражаются на их характере. В самом деле, присмотритесь к рыбам; характеры их отличаются друг от друга не меньше, чем характер одного человека от другого. Щука, например,—не напоминает ли она вам налетчика с большой дороги, быстрого и смелого, который то притаится в засаде, то на открытом пути бросается на свою жертву и губит ее? А рядом со щукой—лещ—толстый, неповоротливый, ленивый, как...

— Как Шурик Ильинский,—подсказал Спешнев.

— Очень глупо,—заметил обиженно Шурик.

— Ну, надеюсь, что Ильинский нам за лето докажет, что не похож на леща—возразил Зотов.—Поставьте затем рядом с лещем нашу волжскую гордость—стерлядь: она нежна, быстра и нарядна, как юная городская девица. И в той же реке со щукой, с лещем, со стер-

лядю живет громадный, алчный, вялый, но смысленный и прожорливый сом, ни дать, ни взять—старорежимный купчина, который подремывает себе спокойно, а потом разинет свою огромную пасть, потянет в себя воду и... «хап», проглотил хорошую порцию зазевавшейся мелочи.

Сергей Павлович, словно желая что-то припомнить, прервал свой рассказ и в заключение шутливо добавил:

— Продолжение, как говорится, в следующем номере. Времени у нас впереди еще много, и мы так порешим. Ловить мы будем прежде всего здесь рядом на самой Волге. А потом совершим пешком две экскурсии верст за 25 по низовой стороне. Одну—на чудное лесное озеро «Яльчик», а другую—на реку Мёшу, которую воспел еще первый наш культурный рыбак—писатель Сергей Тимофеевич Аксаков.

Сергей Павлович замолчал.

— Я не совсем понимаю,—сказал Юрий—зачем надо столько знать, чтобы удить рыбу? Неужели это такое мудреное дело?

— Ах, Юрий, Юрий!—огорченно воскликнул Сергей Павлович.—Уж если я тебя не убедил, то сошлюсь я тебе сейчас на слова того же Аксакова. У него есть целая глава: «Об умении удить». Он пишет: «настоящему рыбаку необходимо изучение нравов рыб, а это трудное дело, хотя рыбы и живут в прозрачных чертогах».—Ведь, если ты не будешь знать этих нравов, что из этого выйдет? Ты пойдешь к затянутому тинной и илом пруду и будешь искать там стерлядей, а потом отправишься к быстрой, прозрачной реке и будешь надеяться, что найдешь

там карасей. Ни того, ни другого ты не найдешь и выйдет из тебя горе-рыбак. Знать это надо и потому, что именно в нашей стране рыболовство—это громадное народное богатство. Я могу вам сказать, что еще 20 лет тому назад все наши губернии, не считая Сибири, давали в год 367 миллионов пудов улова рыбы. Вдумайтесь в эту цифру и вы поймете, что ловля рыбы это не простая забава, а громадное и важное дело, которое кормит миллионы трудящегося люда.

Сергей Павлович посмотрел на часы и ахнул.

— Батюшки, да уж одиннадцатый час! Скорее домой. Наталья Петровна ждет нас ужинать и наверное понять не может, куда это мы девались. Садитесь в лодку и двинемся к дому.

Все трое сели в лодку и дружными ударами весел стали двигаться вверх по течению к стоявшему на приволжской горе селу Мантурову.

Дом, в котором жил Зотов, стоял в полугоре над Волгой в середине старого яблоневого сада, разросшегося от подножия до самой вершины горы. Ко времени, когда Ильинский и Спешнев шумно и весело водворились в Мантурове, яблони были в полном цвету, и их нежные цветы обрамляли дом белорозовым венцом.

Привязав лодку у пристани, Зотов и его молодые спутники торопливо поднялись в гору и, действительно, застали жену Зотова уже в беспокоействе по поводу их долгого отсутствия. Наскоро поужинав, все собрались скорее лечь спать, чтобы на рассвете начать первую ловлю.

— Сергей Павлович, — спросил, прощаясь с Зотовым, Шурик Ильинский—вы днем так и не

объяснили нам, что такое значит ловить «на приколе», а завтра мы уже начнем ловлю.

— «На приколе»—это значит ловить с лодки, закрепленной при помощи кола—ответил Зотов.— Впрочем, в других местах так называют другой способ ловли. У нас здесь на Волге просто вбивают кол в прибрежный песок, заранее выбрав подходящее место. К колу привязывают очень длинную веревку, а к другому концу веревки привязывают тяжелый камень; кладут этот камень в лодку и отчаливают, двигаясь прямо от берега поперек течения. Когда веревка туго натянется, сбрасывают камень в воду. Таким образом получается вытянутая от берега в реку неподвижная веревка. Рыбак закрепляет лодку, перекинув веревку хотя бы через уключину. Лодка стоит неподвижно поперек реки. С носа спускают на дно сетку, набитую прикормом, садятся на носу лодки и забрасывают удочку вверх по течению. Течение несет леску мимо носа, и крючок с насадкой проходит около сетки с прикормкой, где на прикормку сбиваются рыбы. Рыбы хватают плывущую насадку. Вот и всё. Если же рыба не взяла и леска уже вытянулась течением ниже лодки, делают взмах рукой и снова закидывают удочку выше лодки и опять проводят мимо прикормки. Эту ловлю зовут также «удить в проводку», потому что все время «проводишь» удочку мимо лодки, так что даже плечо устает.—Ну, да завтра вы все это сами увидите. На заре поедem ловить на приколе, а под вечер переедem Волгу и у того берега будем ловить на подпуска. Вот вам и все мои рассказы на сегодня, а теперь «марш на боковую», а то еще завтра ловлю проспите!

II

ПЕРВАЯ ЛОВЛЯ

Был еще третий час утра, когда Зотов стал будить молодых рыбаков.

— Эй вы, сони, вставайте, ловлю проспите! — говорил он, толкая за плечо крепко спавшего Ильинского.

Стояло тихое июньское утро. Над Волгой тонкой, прозрачной пеленой стлался предрасветный туман. На траве сверкали брызги блестящей росы. С улицы слышался рожок пастуха. По реке бежал вниз большой пароход; на палубах никого еще не было видно. Везде кругом люди еще покоились мирным сном и только деревенские хозяйки открывали ворота и выпускали со дворов мычавших и медленно выходивших на улицу коров.

По дороге к реке Сергей Павлович сказал:

— Нам с утра попадутся только язи, подлещики, да, может быть, никому не нужная чехонь. Другая рыба у самого берега не берет. А вечером на подпуска попасться может и стерлядь, и лещ, и судак. После ловли я вам расскажу, что знаю обо всех этих рыбах.

У самой реки было прохладно. Ильинский ежился и жалел, что не надел пальто. Сергей Павлович поместился в одну лодку, Спешнев и Ильинский — в другую, и обе лодки поплыли вниз по течению.

Два места для ловли «на приколе» были уже раньше приготовлены Зотовым для себя. Колья были вбиты, веревки протянуты. Обе лодки мед-

ленно подошли к берегу под лесистым оврагом, и Зотов, показав юным рыбакам, как надо закрепить лодку за веревку, установил свою лодку саженьях в двадцати выше их лодки.

Некоторое время длились приготовления. Мальчики смотрели на Зотова и следовали его указаниям. Они насыпали в сетку прикорм—пареный овес со жмыхами—завязали сетку так, что она приняла форму большого мячика и опустили сетку на бичевке с носа лодки на дно, привязав конец бичевки к борту лодки.

Мальчики решили ловить рыбу по очереди между собой. Зотов закинул удочку со своей лодки, Спешнев—со своей, и началась ловля.

44651 36430 20173

Сначала все было тихо, но вот у лодки Сергея Павловича заплескалась на удочке рыба; он осторожно подсек, медленно повел на себя удочку и подхватил сачком блестящего своей чешуей язя.

Постепенно становилось теплее. Солнце поднималось все выше и выше. Изредка, то сверху, то снизу, бежал пароход и развивал на реке волнение. Гребень волны, все расширяясь, катился тогда к берегу и разбивался белой пеной о борт лодки. Несколько минут после этого лодки сильно качало боковой качкой и оба мальчика испуганно хватались руками за борта.

Потом ловля продолжалась. У лодки Сергея Павловича все чаще и чаще слышался плеск воды; то язь, то подлещик попадался на удочку, и Зотов опытной рукой подхватывал рыбу сачком.

Сначала он сам так увлекся хорошей ловлей, что не обращал внимания на ловившего рядом с ним Спешнева. Потом посмотрел на него.

Спешнев сидел, сгорбившись, и уныло перекидывал удочку справа налево. Ему сильно хотелось спать. Рыба у него не брала вовсе.

— Послушай, Юрий,—сказал Сергей Павлович —Ты ведешь удочку слишком далеко от лодки. Рыба держится у прикормки, около самого носа, а там, впереди, она у тебя никогда не возьмет. Закидывай ближе.

Спешнев попробовал повести лёску у самого борта, но крючок задел на дне за сетку с прикормкой и остановился. Пришлось поднять сетку и освободить крючок.

— Эх, брат—досадливо сказал Сергей Павлович.—У тебя ничего не выйдет. Постарайся ты приноровиться, а то без рыбы домой вернешься.

— Да я думаю, что просто рано утром рыба не клюет—сонным голосом сказал Спешнев.

— Рыба-то у тебя действительно не клюет, но зато сам ты, кажется, клюешь носом—подтрунивал Сергей Павлович.—Проснись же, Юрий: посмотри, как кругом хорошо.

Через некоторое время Спешнев почти крикнул:

— Дядя Сережа, посмотри, какую я рыбу поймал!

Он держал в воздухе над водой на вытянутой руке удочку и на крючке рвалась серебряная рыбка, напоминая формой тела изогнутую саблю.

— Это чехонь—сказал Сергей Павлович.— Дрянная рыба, да все равно, поймал, так тащи в лодку.

Спешнев сделал движение, но чехонь не стала его дожидаться. Она рванулась с крючка, сорвалась, ударилась о воду и исчезла в глубине.

— Ай!—разочарованно вскрикнул Спешнев.

— Поздравляю с уловом—пошутил Сергей Павлович.

Потом Спешнев уступил свое место Ильинскому, а сам сел на корму и наблюдал за ловлей. Однако у Шурика с непривычки дело тоже не ладилось.

Было шесть часов утра, когда Зотов прекратил ловлю.

— Поедем домой,—сказал он.—Рыба больше брать не будет.

Зотов наловил довольно много рыбы. У мальчиков на дне лодки лежал один, случайно попавшийся им, весом около полуфунта, подлещик.

Около пристани вышли на берег и привязали лодки.

Шагах в тридцати от берега, около огромной, раскидистой ивы, была выстроена маленькая деревянная сторожка. На пороге сидел седой рыбак Данила. Он сидел и усердно скручивал из конского волоса лёску для удочки. Данила был в Мантурове своего рода знаменитостью; его знал решительно всякий; его помощью и услугами пользовались все мантуровские рыбаки.

Когда-то крупный рыбак-промышленник Данила Карчагин перевидал на своем веку много. Он знал всю Волгу от Шексны до Астрахани, бывал на Днепре, на Дону, на реке Урале. Он видел промысла и в далеком Архангельске. Потом он бросил работу на промыслах и уже лет 20 жил на своей родине в Мантурове.

Летом он нанимался к местным рыбакам в караульщики, переселялся из избы в береговую сторожку, стерег лодки и рыболовные снасти и делал самодельные удочки, намётки и сети.

— Здравствуй, Данила!—сказал ему Зотов, подходя с мальчиками к сторожке.—Как живешь?

— Здравствуй, Сергей Павлович! — ответил Данила.—Живем помаленьку. Наше дело стариковское. Вот караулю Волгу, чтобы куда не ушла

— А сам еще ловлей занимаешься?

— Какая уж наша ловля! И силы не стало, и глаза плохи. Сам знаешь рыбацкое дело. Иной раз и против быстрины на лодке грести надо, и в непогоду на реке оставаться. А у меня уж и силы мало, и вижу я плохо; иной раз даже поплавка на воде не вижу. Какой уж я рыбак!

— А как нынче улов?—спросил Зотов.

— Ну, какой теперь улов. Уж годов двадцать, как улов падать стал. С тех пор я и промысла бросил. Терпенья не стало: рыба мельчает, улов падает. Нет рыбе привольного житья и рыбакам плохо.

— А отчего улов падать стал?—заинтересовался Шурик Ильинский.

— А как же, паренёк. Уж десятка два лет, как стали все больше и больше леса по берегам сводить, берега застраивать да укреплять. Разлив весенний зажали. Рыбе нереститься тесно стало. Потом фабрик да заводов понастроили. Оно для человека-то и хорошо, а для рыбы плохо. Вода засоряется. Понаделали плотин, мельниц понаставили, закрыли рыбе свободный ход по воде. Стали пароходы нефтяные бегать, тоже воду портят, да волны разводят—рыбу беспокоят и икру разбалтывают.

— Ну, это еще не такая беда—заметил Сергей Павлович.

— Нет, ты сам посуди, Сергей Павлович!—волновался старик.—Ко всем этим бедам, да еще наш брат-промышленник в прежние года как рыбу губил. Как начнет рыба по весне из Каспия в Волгу входить для нереста, так и давай ее ловить тысячами. Знаешь ведь, какой стаей рыба в это время идет. Как тронется сельдь, так местами ткни весло в воду, а оно, как ложка в сметане, стоямя стоит—рыбой держится. Тут всю рыбу переловить можно, да еще и с икрой вместе. Вот уловы-то и стали падать.

— Это верно—согласился Зотов.—Промышленники за старые годы много повредили нашему рыболовству. Не даром один знаменитый

ученый говорит: «злейший враг рыбы—это человек».

— А как же, Сергей Павлович! Наловят, бывало, столько рыбы, что и самим не справиться. Бьются, бьются, да потом миллионы свежей, крупной рыбы сгнойт и в землю закопают. Это в те времена так и называли «рыбные кладбища». Или вот, на Урале-реке, впустят рыбу из моря в реку, да и сделают сплошную забойку. Рыбе-то после нереста и не скатиться обратно в море. Тут ее и перепортят. Истинно, наши промышленники сами на суку сидели, да сами же этот сук подрубали.

— Все это твоя правда, Данила — сказал Зотов.— Но ведь теперь законы по этой части изданы строгие. Рыбу теперь берегут. Прежде, правда, корысть и жадность губили дело. Осетровые промысла сразу упали. В книгах написано, что именно в то время, т. е. лет 20 тому назад, от нас за границу вывозили одной икры черной и красной до трехсот тысяч пудов в год. И все-таки это дело поправимое. Если дело хорошо поставить, то за какойнибудь десяток лет рыболовства и не узнаешь. К тому же и искусственное рыборазведение завели; не знаю, слышал ли ты.

— Слышать-то слышал, — ответил Данила, — а только думается мне: дорого станет тогда рыба-то. Да и потом, в прудах еще способнее разводить рыбу, а в реках, кто его знает. — Ну, да поживем, увидим.

Старик замолчал.

— Ну, друзья мои, пойдете домой — предложил Зотов. — Дома отдохнем, пообедаем,

а под вечер поедем с подпусками к низовому берегу.

— Дядя Сережа,—обратился к Зотову Спешнев—мы бы с Шуриком хотели сейчас же после обеда на ту сторону поехать. Мы там погуляем, посмотрим на покосы, а под вечер и ты на второй лодке переедешь и мы там будем ловить подпусками.

— Хорошо, поезжайте, только вы от жары сегодня замучаетесь. Сейчас еще утро, а как солнце печет! Смотрите, заморитесь; да и справитесь ли вы вдвоем с лодкой? Через Волгу-то грести трудно.

— Ну что вы, Сергей Павлович, — заметил Ильинский—как же не справимся. Мы ведь не маленькие.

— Ну, хорошо, поезжайте, а я к вечеру подъеду.

Наскоро пообедав, Спешнев и Ильинский сбежали к берегу и, несмотря на страшную жару, поехали на низовой берег Волги.

Около трех часов дня Зотов вышел из дому и спустился к сторожке.

За Волгой на луговой стороне видна была лодка и Зотов разглядел, что это его юные приятели отдыхают на прибрежном песке.

Стоял нестерпимый зной. В воздухе парило и даже около самой реки не было пролады.

Зотов прилег на песке под большой ивой у сторожки и задремал.

Когда он проснулся, то было все также жарко, но над далеким лесом за Волгой показалась громадная свинцовая, грозовая туча. Она

медленно ползла по небу и казалась зловещей при ярком освещении все еще палившего солнца.

— Как-бы погода не разыгралась,—подумал Зотов—скорее бы они возвращались.

Он подошел к берегу. На той стороне лодка стояла все на том же месте, но около нее никого не было видно.

— Наверное, они в луга ушли — подумал Зотов.

Между тем туча росла и росла; из-за поворота реки показалась другая туча, которая ползла по небу и постепенно закрывала собой горячее солнце.

— Будет гроза, будет!—с тревогой думал Зотов.

В воздухе пронесся легкий порыв ветерка; Волга встрепенулась и по воде пробежала мелкая, дрожащая зыбь. Пробежала... и опять все стихло.

Но вот новый порыв ветра—уже сильнее. И из-за реки прокатился и загремел вдали первый удар грома.

— Где же они?—думал Зотов, вглядываясь в далекий берег.

Минутное затишье сменилось бурным вихрем холодного ветра.

Прибрежные деревья затрепетали листьями, песок взметнулся и понесся в воздухе, поднимая облака пыли. И в ту же минуту крупные капли дождя изрешетили Волгу... Сверкнула первая молния и на этот раз уже грозный удар грома оглушительно загрохотал над лугами.

Зотов, не отрываясь, смотрел на ту сторону реки. Там показались около лодки два бегущих

с луга человека. Вот они уже у берега. Но что они делают?.. Они спускают лодку!.. Вот один вскочил в нее через борт, другой тоже торопится сесть.

— Что-же это такое,—в ужасе подумал Зо-

тов — неужели они хотят переправляться?! Неужели они не понимают, что надо переждать?

Да, они отвалили от берега; они усиленно гребут: «ах, хоть бы скорей, скорей»!..

Волга покрылась белыми гребнями. Ветер крепчал; началось сильное волнение; дождь, словно прорвав какую-то преграду, хлынул сплошным потоком; сверкала молния и, почти не умолкая, гремел гром. Кругом все потемнело..

— Что делать, что делать?..—думал Зотов... Он побежал на пристань, хотел звать народ, выглядывал у пристани самую крупную лодку, хотел отвязывать спасательные круги; потом передумал...

— Все равно, не поможешь—мелькнуло у него в голове.

Лодка подходила к середине реки и стала двигаться все медленнее. Казалось, что весла поднимаются и опускаются на том же месте, что лодка остановилась, что бурным течением ее несет вниз. Лодка то поднималась на волнах, то ныряла и кренилась на сторону, а дождь все усиливался, ветер крепчал, вся Волга вспенилась и страшные удары грома непрерывно грохотали над головой.

Сверху на реке показался большой пароход. Он уверенно рассекал волны и, покачиваясь, быстро бежал вниз, подгоняемый ветром.

— Этого еще не хватало!.. Пароход прибавит волны и опрокинет их...

Зотов закрыл глаза и схватился за голову.

— Ну как можно было пустить их одних—мелькало у него в мыслях,—ведь они все-таки почти дети... Что я наделал!.. Что я наделал!..

Пароход закрыл собой лодку, и Сергей Павлович с замиранием сердца стал ждать.

Но вот пароход пробежал и Зотов снова нашел глазами лодку. Она все также ныряла в волнах, но, кажется, уже миновала быстрину; кажется, она ближе к этому берегу...

Вдруг в лодке кто-то встал. Зотов сразу узнал длинную фигуру Юрия Спешнева.

— Что это?.. Они пересаживаются!.. Безумные, да разве можно это делать!..

Спешнев оперся одной рукой о плечо Ильинского, другой рукой старался удержать в воздухе равновесие и, наконец, шагнул через скамейку.

Снова оба сели и удары весел стали рассекать волны.

Вот они ближе и ближе... Они ушли от бушующей середины разгневанной Волги; они уже близко к берегу; уже видно, как Спешнев повернул голову и, очевидно, смотрит, где лучше пристать... и вот, наконец, лодка со всего разбега сильно врезалась в прибрежный песок.

Сергей Павлович побежал к лодке.

— Сумасшедшие!.. — кричал он, подбегая к ним. — Ну разве можно переезжать в такую грозу и бурю. Вы промокли до костей. Скорее сушиться домой.

— Да, ведь, и вы насквозь вымокли, Сергей Павлович, — заметил Ильинский.

— Ну скорее, скорее домой!..

И все возбужденные, взволнованные и все-таки веселые после перенесенных волнений побежали в гору по направлению к дому.

К вечеру погода разгулялась. Мягко светило солнце и казалось, будто освеженная грозой природа в наслаждении покоя дышет полной грудью.

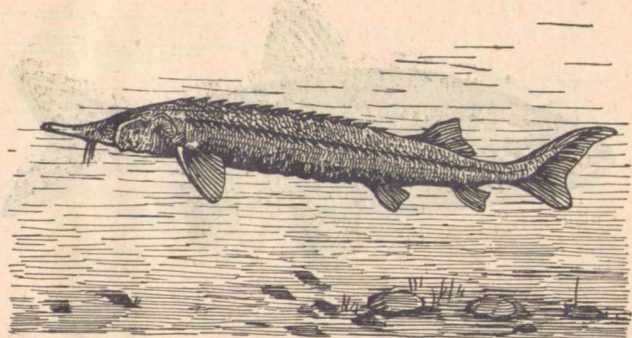
Никто не пошел на рыбную ловлю, хотя рыба и хорошо берет после грозы.

Все устали, да и платье еще не успело просохнуть.

Зотов сидел на крыльце и читал книгу. Мальчики бродили по яблоневому саду, потом вышли к дому и подсели к Сергею Павловичу.

— Дядя Сережа! обратился к Зотову Спешнев.— Ты обещал нам рассказать про рыб, которых мы ловили.

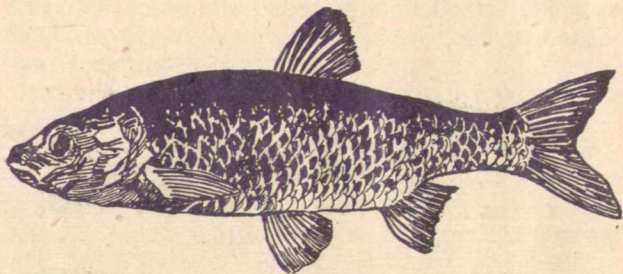
— Хорошо. Я сперва расскажу вам про язей, а кстати и про стерлядь. Хотя мы сегодня из-за грозы и не поймали с вами ни одной стерлядки, но все равно завтра поймаем. Стерлядям сейчас

Стерлядь.

самое время.— Ну, так слушайте: стерлядь—это гордость Волги и некоторых других наших рек. Отдельные стерлядки достигают веса в 20 фунтов и в виде очень редких исключений доходят до пуда, а средний вес стерляди—три, пять фунтов. Стерлядь—рыба очень дорогая, но все-таки не промысловая. Она слишком нежна и скоро портится. Среди рыб это, так сказать, предмет роскоши. В далекие старые годы на Уральских казаков была даже наложена натуральная повинность. Они обязаны были представлять в Москву к царскому столу ежегодно назначен-

ное им количество осетров и стерлядей не менее известного веса. Держится стерлядь на чистых местах реки, не любит ила и медленного течения. Нерестится она, по рыбацким приметам, до цветения яблони и самый нерест происходит на дне реки в мутной весенней воде, на каменистых грядках. В смысле питания стерлядь рыба не

Я з ь.

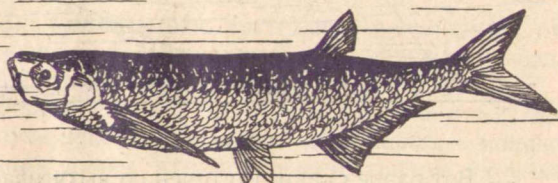
хищная. Она кормится растениями и мелкими насекомыми. Ее лакомство это подёнки, комары и личинки комаров. Стерлядь обнаруживает значительную прожорливость. Один ученый насчитал в желудке пойманной им стерляди тридцать пять тысяч личинок комаров. Ну вот, кажется, всё, что я могу сказать про эту прекрасную рыбу.

— А как ловят стерлядей? — спросил Спешнев.

— Ловят сетями и подпусками, хотя в сети стерлядь попадается сравнительно редко: она держится слишком близко ко дну.

— Ну, теперь об язе, — продолжал Сергей Павлович. — Это рыба, так сказать, будничная. Водится ее в Волге очень много. Нерестится она в апреле,

или, как говорят рыбаки, «когда на березах почка набухать начнет». Мечет до 70 тысяч икринок, доходит весом фунтов до десяти и живет до 15 или 20 лет. — Для Юрия, который сомневался, надо ли рыбаку знать привычки рыб, я скажу, что язь, в противоположность стерляди, любит

Чехонь.

медленное течение и держится на илистом дне. Поэтому и ловить его надо у берегов, а не на быстрине реки. Питается язь водорослями и насекомыми, но крупные язи начинают иногда истреблять и мелкую рыбу. Ловить язей можно главным образом на удочку и именно так, как мы сегодня ловили, т.-е. «в проводку».

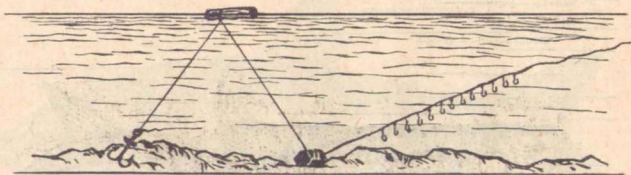
— Дядя Сережа, а какую это я первую рыбу поймал сегодня утром?—спросил Спешнев.

— Положим, ты ее не поймал, а упустил! Это чехонь. Здесь на Волге ее обыкновенно бросают обратно в воду. Она страшно костлява и невкусна. Однако, в некоторых местах Украины

она заменяет селедку. В низовьях Волги ее ловят и употребляют на топку жира.

— Сергей Павлович!—спросил Ильинский.— А что же это такое «подпуск», и как ловят на подпуска?

— Это очень просто. Я сейчас нарисую вам. Зотов взял палку и стал чертить на песке:

Подпуск.

— Вот разрез реки. По течению вытягивается очень длинная бичевка, к которой прикреплены на известном расстоянии друг от друга крючки. Бичевка удерживается на месте тяжелым грузилом, которое опускается на дно. От этого груза другая бичевка идет на поверхность и на воде лежит очень большой, размером с доброе полено, поплавок, или, как здесь говорят, «наплав». Чтобы течение не сносило подпуска, наплав обыкновенно прикрепляют на якорь. Вот и все. Понятно вам?

— Понятно—ответили оба мальчика.

— Ну, хватит на вас сегодня «лекции»—замечил Зотов.— Идите-ка лучше, помогите Наталье Петровне самовар поставить.

Спешнев и Ильинский отправились помогать по хозяйству, а Зотов прошел в комнату и стал готовить снасти к следующему лову.

III

НА ОЗЕРЕ В ГЛУХОМ ЛЕСУ.

Через несколько дней после бури на Волге, ранним утром Сергей Павлович и его юные спутники, нагруженные разными рыболовными снастями и небольшим запасом продуктов, выступили в далекий поход, на лесное озеро Яльчик.

Знакомый рыбак Лука Трофимов перевез их на лодке через Волгу и обещал ожидать их возвращения на следующий день к вечеру.

Дорога сначала шла заливными лугами, где на путников напали мириады комаров и мошек; дальше дорога длинной, узкой лентой уходила в лес.

— Дядя Сережа,—спросил Спешнев—ты хоть и сказал нам, что у тебя жерлиц с собой сколько угодно, но так и не объяснил, как с ними обращаться:

Зотов вынул из дорожного мешка одну жерлицу.

— Видите, как незатейливо. Просто вырезанная из дерева двузубая вилка размером вершков в пять; к вилке крепко привязана очень длинная бичева, которая обматывается вокруг зубьев. К свободному концу бичевки привязывают металлический поводок с большим стальным крючком на конце. Вот в сущности и всё.

— Рукоятку втыкают в землю на берегу или привязывают к прибрежному кусту, а на крючек

нацепляют за спинку или за хвост какую-нибудь маленькую живую рыбку—«живца»—как говорят рыбаки. Закидывают бичевку в реку или в озеро. Хищная рыба, увидав, что живец плавает всё около одного места, бросается на рыбку, заглатывает

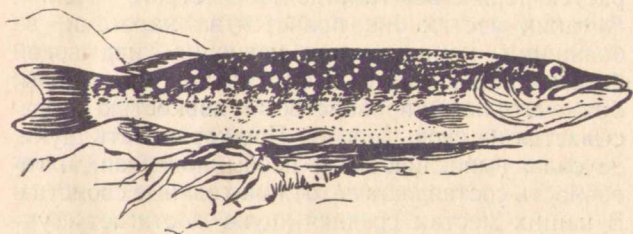

Жерлица.

вает крючок и, разматывая бичевку, уходит в глубину. Через несколько времени после того, как жерлицы поставлены, рыбак приходит, проверяет их и снимает попавшуюся рыбу.

Сначала путники шли бодро и весело, но постепенно начали уставать. Солнце поднималось все выше и выше; день выдался очень жаркий; в воздухе пахло гарью от горевших где-то лесов; когда дорога выходила в поле, становилось мучительно тяжело идти.

Пройдя верст пятнадцать, Зотов предложил сделать привал. В середине попутной черемисской деревни решили отдохнуть на берегу большого пруда. Купили себе в одной избе кувшин молока и с удовольствием легли на траве. Кругом собралась целая толпа черемисских ребятишек, которые с любопытством рассматривали

Щ у к а.

незнакомых путников и тараторили что-то между собой на своем непонятном языке.

Сергей Павлович рассказывал своим ученикам об озере Яльчик, о вековом сосновом боре, в котором раскинулось это озеро и о быстрой реке Илеть, которая, пересекая всю лесную дачу, впадает в Волгу.

— Рыбы в Яльчике очень много, — говорил Сергей Павлович — и, как в большинстве озер, рыба попадаетея очень крупная, но славится озеро, главным образом, окунями и щуками. Они разводятся там в большом количестве, потому что на этом далеком лесном озере бывает немало рыбаков. Я воспользуюсь нашим отдыхом и расскажу вам про особенности щуки и окуня. — Щука, которую, конечно, каждый из вас видел,

это самый страшный хищник наших рек и озер. Один известный ученый говорит: «щука — это пресноводная акула». Обладая значительной плодовитостью, самка щуки выметывает около полутора тысяч икринок. Выбрав своим местожительством поросшие камышами, не очень глубокие и травянистые места рек и озер, щука старается держаться там, где нет быстрого течения. В таких местах она прячется за карягами, за большими камнями, под нависшим над водой берегом или кустами, и оттуда, как из засады, с замечательным проворством и ловкостью набрасывается на свою добычу. Прожорливость щуки, ее сила, выносливость и необыкновенная долговечность составляют ее отличительные свойства. В наших местах средняя щука достигает фунтов двадцати весом, но попадаются изредка и громадные щуки, весом свыше двух пудов. Если к этому прибавить еще, что щука снабжена очень острыми и сильными зубами, то вы поймете, какой это бич для обитателей рек и озер. У щуки даже весь язык покрыт мелкими зубами.

— Не даром говорят «зубастая щука!» — заметил Ильинский.

— Да, именно, зубастая. Однако, сама природа мешает сильному размножению щуки. Дело в том, что, выбрав своей главной пищей рыбу, щука начинает с того, что истребляет собственную икру, потом она ест также не только свою молодь, но даже и взрослых щук. Бывают случаи, когда щука из жадности хватает другую щуку одного с ней размера и возраста. Не довольствуясь рыбами, щука пожирает и всяких других животных. Плывущая по воде крыса,

или мышь, или лягушка постоянно делаются жертвами щуки. Эта хищница глотает даже плавающих на реках и озерах утят и гусенят или умудряется схватить за ноги зашедшего в воду кулика и уничтожает его без остатка. Есть только одно живое существо, которого щука не ест—это жаба. Если жаба попадет щуке в пасть, то щука ее немедленно выплевывает.

— Как это щука всё живое на воде и в воде еще не слопала!—вставил свое замечание Спешнев.

— Этому мешает одно свойство щуки. Она удивительно медленно переваривает пищу, а потому, когда она сыта, она не ест несколько дней. Потом опять насыщается, когда у нее наступает «жор», как говорят рыбаки.

— А сколько же живет щука?—спросил Ильинский.

— Живет необыкновенно долго по сравнению с другими рыбами. Я приведу вам два примера, которые упоминаются даже в учебниках о рыбах. Около ста лет тому назад под Москвой чистили так называемые Царицынские пруды. Из одного пруда была выловлена живая щука около трех пудов весом. В ее жаберную крышку оказалось вдетым, как сережка, золотое кольцо с надписью «посажена царем Борисом Федоровичем», т.-е., как вы знаете из истории, Борисом Годуновым. Значит эта щука прожила двести лет.

— Вот бы столько прожить!—усмехнулся Шурик Ильинский.

— Но, представьте себе, что это еще не самая почтенная по возрасту щука. Восемьсот лет

тому назад один немецкий король выпустил щуку в озеро около местечка Хейльбронн и тоже продел ей в жаберное отверстие золотое кольцо. Ее выловили через 267 лет. Она вся побелела от старости; размером она была больше 8 аршин, а весила восемь с половиной пудов. С этой щуки срисовали портрет, а ее скелет и кольцо хранятся в немецком городе Маннгейме.

— Я начинаю думать—заметил Спешнев,—что ловить шук не только трудно, но и опасно, так что если я сегодня поймаю щуку, то я тебя, дядя Сережа, на помощь позову.

— А я не боюсь—возразил Ильинский.— Только попадись щука, уж я ее вытащу.

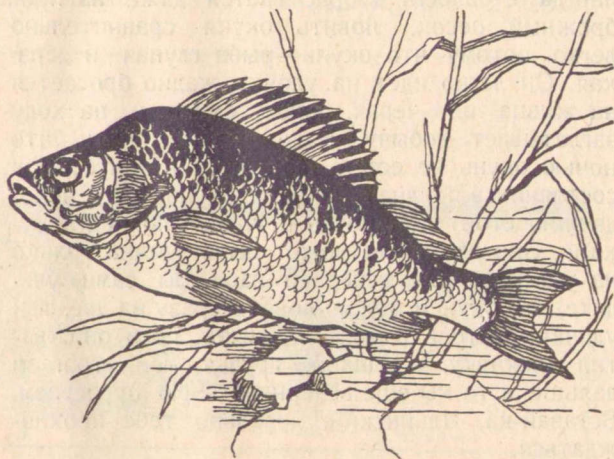
— Ну, хорошо, хорошо, знаменитые рыбаки— улыбаясь ответил Зотов.— Посмотрим, что там будет, а теперь, товарищи, тронемтесь в путь, а там на озере я расскажу вам про окуня.

— Расскажите лучше сейчас—попросил Ильинский, которому вовсе не хотелось сейчас же опять шагать по жаре.

— Хорошо,—согласился Зотов— расскажу сейчас, тем более, что окунь—рыба настолько известная, что о ней много говорить не приходится.

— Природа дала окуню колючие острые плавники, чтобы защитить его от хищников, хотя и сам окунь хищная рыба. В наших водах распространение окуня громадно и это объясняется его большой плодовитостью. Самка окуня мечет от двухсот до трехсот тысяч икринок, а один ученый в Швейцарии насчитал в пойманной им самке крупного окуня почти миллион икринок. Окуня нельзя считать крупной рыбой; его сред-

ний вес—два, три фунта. В озерах окуни крупнее, чем в реках, и достигают фунтов до восьми. Самый крупный окунь, которого я видел в детстве, был пойман в Зауральи, где я рос, в озере Касли; окунь этот весил двенадцать фунтов.

О к у н ь.

Жизнь окуня напоминает в сущности жизнь щуки. Живет он также в заводях, поросших лопухом и камышами. Чем крупнее окунь, тем глубже он держится в омутах. Это сожителство со щукой объясняется одинаковыми вкусами, так как окунь тоже питается рыбой. Зато это же соседство и является грозой для окуней. В борьбе за существование щука, сом, судак

и налим уничтожают окуней и уменьшают количество этих хищников. Окунь поедает громадное количество мелкой рыбы: плотвы, пискаря, гольца. Проворный и сильный окунь обыкновенно выскакивает из засады и бросается в погоню за стайей рыбок; он так увлекается погоней, что иногда с разбега выбрасывается даже на прибрежный песок. Ловить окуня сравнительно легко, потому что окунь—рыба глупая и дерзкая. Он легко идет на удочку, жадно бросается на живца или червя, клюет смело и на ходу заглатывает добычу. Надо только знать, что ночью окунь не ест, а находится в полусонном состоянии; в полдневный зной окунь тоже неподвижно стоит где-нибудь в траве или под лопухами. Значит, ловля может быть удачна только на утренней или вечерней заре. Вы сами увидите, что окуней можно ловить сразу на две, три удочки, настолько его легко взять, если он схватил наживку. — Однако, друзья мои, трогаем дальше, а то мы еще вечернюю зорю прозеваем. Вставай-ка, Ильинский; довольно тебе прохлаждаться.

Путники опять зашагали.

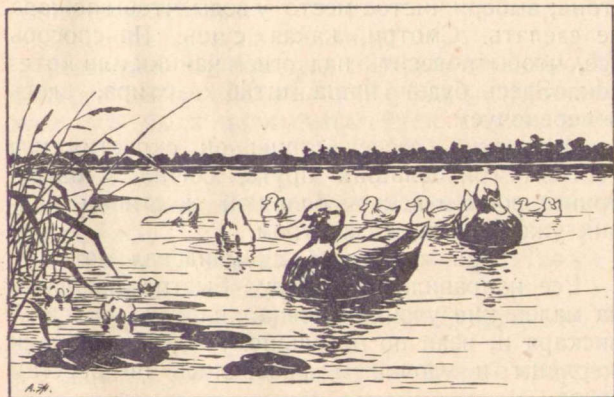
Солнце начинало склоняться к вечеру, когда Зотов и два молодых рыбака вошли под тень огромного векового бора.

Песчаная дорога шла, извиваясь узкой полосой, между громадными соснами и елями. Пахло сосной и хвоей. Дневная жизнь в лесу затихала. Только слышно было мерное постукивание дятла, да зайчишка, испуганный разговором, сорвался из-под куста и опрометью бросился в чащу.

— Скоро ли мы дойдем?— спрашивал уставший от ходьбы Спешнев.

— Скоро, скоро. Да вот и озеро—сказал Сергей Павлович, указывая на просвет между деревьями.

Действительно, впереди блеснула серебряная гладь тихого озера. Оно раскинулось на версту

или две между пологими берегами. Окаймленное громадными деревьями, отраженными в его водах, оно словно дремало. Только время от времени шумно плеснет рыба, да с плачевным криком пронесется над водою кулик. Берега озера поросли камышем и, словно белое ожерелье, лежали у берегов белые цветы кувшинок. На чистой воде безмятежно плавал выводок диких уток и молодые утята то и дело хлопотливо ныряли головами в прозрачную воду.

— Ах, как здесь тихо, как хорошо! — невольно вырвалось у Шурика.

— Да, здесь приволье—заметил Сергей Павлович.—Однако,—продолжал он,—давайте приниматься за дело. Кто у нас будет заведывать хозяйством?

— Шурик —предложил Спешнев.

— Ну в таком случае, Ильинский, разведи огонь; выбери чистое место у воды, чтобы пожара не сделать. Смотри, какая сушь. Приспособь всё, чтобы повесить над огнем чайник или котелок. Здесь будет наша штаб-квартира, здесь и переночуем.

Ильинский развел огонь; он скрестил над костром три больших прута, сбегал к озеру, принес воды и вскоре большой жестяной чайник уже грелся над костром.

— Теперь за работу!—скомандовал Зотов.

Все направились к озеру. Быстро наловили на маленькие удочки живца: плотву, уклею, пискаря и, взяв по небольшому ведерку, забрали жерлицы и удочки и разбрелись по берегам озера.

Расставили жерлицы, закинули удочки и затихли. Мальчики помнили строгий наказ Сергея Павловича: первый уговор—полная тишина.

Лов оказался удачным. Окунь брал с жадностью. На червей попадались и ерши, и плотва. То и дело было видно, как то тот, то другой рыбак вскинет удочку и в воздухе затрепещет пойманная рыба.

Начинало темнеть. Шурик Ильинский сидел в тростниках у самого берега; он уже с гордостью положил в свое ведерко трех хороших

окуней и мечтал о том, как будет хвастаться своей добычей. Но вдруг его сердце затрепетало в надежде получить еще гораздо лучшую добычу.

Шагах в пяти от него к прибрежному камышу была привязана жерлица; Шурик хотел уже окончательно бросить ловлю, так как сумерки мешали отчетливо видеть поплавки, и в это самое время он заметил, что камыш рядом с ним неожиданно заколебался.

Он посмотрел на жерлицу.

Намотанная на вилку жерлицы бичевка быстро разматывалась, а камыш, к которому жерлица была привязана, стал сильно колебаться во все стороны, нагнулся к воде и самая жерлица ушла в воду.

Потом камыши выпрямились и сейчас же опять закачались.

— Шука! — подумал Ильинский. — Вот когда я похвастаюсь победой.

Он бросил удочки и протянул руку к камышу.

Однако, камыш откачнулся в озеро и Шурику не удалось схватить его рукой.

Тогда, в увлечении, торопясь схватить жерлицу и боясь, что камыш переломится, он вскочил на ноги и шагнул в воду...

И тут случилось несчастье.

Нога Ильинского выше колена ушла в илистое дно и он почувствовал, что падает.

Стараясь удержаться, он шагнул в озеро другой ногой и нога завязла еще глубже.

Он силился вытащить ногу, но сапог застрял в тине, сполз с ноги, и Шурик босой ногой тщетно старался найти себе точку опоры.

Чем больше он переминался с ноги на ногу, тем больше увязал в илистом дне и вода поровнялась уже с его поясом. Тогда Шурик почувствовал страх.

Ему показалось, что он окончательно увязает, что с каждым движением его засасывает илистое дно и что ему не вырваться из этого противного и липкого капкана.

В ужасе он выпустил из рук камыши и, потеряв последнее спокойствие, изо всей силы крикнул:

— Сергей Павлович!..

Никто не откликнулся на его крик. Только испуганная ворона сорвалась с прибрежной сосны

и, зловеще каркая, пролетела над самой головой Ильинского.

— Юрий, Юрий! Сергей Павлович!—кричал он.—Помогите! Тону!

По берегу на эти крики, взволнованный и испуганный, бежал Зотов.

— Шурик, что с тобой?—с изумлением спросил он, увидав барахтающегося в воде мальчика.

— Погибаю, Сергей Павлович, помогите!—плаксивым голосом крикнул ему Шурик.

Зотов понял, в чем дело.

— Эх, ты, рыбак знаменитый!—усмехнулся он.—А ну-ка, давай сюда руку!..

Шурик протянул руку Зотову и через минуту был уже извлечен на берег—мокрый, испуганный и на одну ногу босой.

Зотов захватил удилицем камыши, пригнул к себе жерлицу и осторожно отвязал ее от камыша.

Крупная рыба рвала жерлицу из рук и старалась запутать бичевку в подводной траве.

Зотов осторожно и медленно подтягивал к себе жерлицу и отпускал ее, когда рыба сильно рвалась. Наконец, над водой взметнулась крупная щука. Она пыталась увести бичевку на дно, но, устав от борьбы, изнемогла.

Когда рыба затихла, Зотов подвел ее, перебирая руками бичевку, к берегу и поднял в воздухе хорошую, фунтов в пять, щуку.

— Ну, что же, Шурик, поздравляю с уловом!—сказал он.

— А как же мой сапог, Сергей Павлович?—уныло спросил Шурик, печально сидя на земле и поглядывая на свою выпачканную илом и тиной ногу.

— Ничего, сапог сейчас тоже выудим!—заметил Зотов.

Однако «выудить» сапог не удалось. Зотов даже разулся, вошел в воду, шарил по дну, но сапога так и не нашел. Очевидно, его затянуло илом и Шурик сам еще глубже затоптал его в дно, пока старался вывязать свои ноги из липкого капкана.

— Ну что же делать, Ильинский—утешал его Сергей Павлович.—На обуви убыток, зато на рыбе прибыль. Будешь помнить, как первую щуку поймал!

— Да как же я домой пойду, Сергей Павлович? Ведь как увидят меня в одном сапоге, так смеяться будут.

— Зачем же «в одном сапоге». Ты и второй сапог снимешь и прощоголяешь двадцать верст босиком. Теперь не зима—не озябнешь.

Шурик утешился этим советом и тут же стал стаскивать с ноги свой второй, намокший и грязный сапог...

По берегу в это время подходил к месту несчастья Юрий Спешнев.

— Дядя Сережа!—кричал он.—Посмотри, я на одну жерлицу двух рыб поймал!

Он показывал над головой свою добычу. Действительно, на живца попался окунь, а окуня в свою очередь заглотила щука фунта в три весом. Щука сильно била хвостом и старалась освободиться от своей роковой добычи.

— Это бывает—заметил Сергей Павлович, помогая Спешневу снять рыбу с крючка.—Вот вам доказательство щучьей жадности.

Увидав босого Ильинского, Спешнев с удивлением спросил:

— Что же с тобой, Шурик? Зачем ты разулся?

— Это его щука разула—шутил Сергей Павлович.— Он щуку поймал, а она с него сапог ста-

щила. Теперь все равно не поможешь. Идемте-ка ужинать. Совсем стемнело, больше ловить нельзя.

И все зашагали по берегу. Впереди шел Зотов, за ним нагруженный рыбой Спешнев, а сзади печально шагал босиком Шурик Ильинский; в одной руке он нес крупную щуку, а в другой—одинокий, закорузлый сапог...

Прошли к «штаб-квартире». Зотов предложил сварить уху. Предложение было встречено общим восторгом. С опытностью заправского

рыбака, Зотов быстро наладил варку и от подвешенного над огнем котелка вкусно запахло свежей вареной рыбой.

Насытившись и отдохнув, все улеглись у корня сосны.

Наступала теплая тихая ночь. Дневной шум окончательно смолк; затихла куковавшая где-то кукушка и только изредка слышался зловецкий крик ночного филина.

— Дядя Сережа,—заговорил Спешнев.—Ты нам сказал по дороге, что рос за Уралом. Расскажи нам про твою юность.

— Да что же рассказывать? Рос я, как и все растут—ответил Зотов.

— Нет, нет расскажите, Сергей Павлович!—попросил Ильинский.

— Ну, извольте. Родился я—начал Зотов,—на одном из зауральских чугуноплавильных заводов. Завод был расположен верстах в 20-ти от железной дороги и вокруг него раскинулся большой поселок. Там было несколько школ и в одной из них мой отец был учителем. Этот завод стоит в той чудной части Зауралья, где целая цепь озер тянется, пожалуй, на сотню верст. Мне трудно описать, какая красота—эти озера. Может быть, теперь они не произвели бы на меня такого впечатления, но тогда, в детстве, они казались мне какими то волшебными, таинственными. Иное озеро тянулось на несколько верст; по озерам были разбросаны небольшие, густо поросшие елью острова; по берегам громоздились каменные громады уральских гор и на их вершинах щетинились пихты и ели. Там было почти полное безлюдье. Только

изредка, словно тайком, вырастала где-нибудь у берега, в ущельи между горами, одинокая рыбацья избушка. Вот именно там, в те далекие годы, я уже стал рыбаком и там же научился любить и понимать природу. Мой отец сумел

с отрочества вложить в меня страстную любовь к знанию. Я поглощал громадное количество книг, а свободное время проводил с заводской детворой и с деревенскими ребятами. Постепенно развиваясь, я понял, что путь к счастью в жизни лежит через знание. Темнота и безграмотность порождают приниженность. Уже тогда я стал мечтать сделаться учителем. Вероятно, пример отца вложил в меня такую твердую веру в силу знания. Мне было четырнадцать лет, когда меня свезли сюда на Волгу

к дяде и отдали в нашем городе в гимназию. Потом я избрал себе специальностью естественные науки и, кончив ученье, очень скоро стал учителем. Вот, в сущности, и вся моя несложная история. И я скажу—я счастлив своей судьбой!

— А я не мог бы быть учителем—задумчиво сказал Спешнев.—Мне кажется, скучно со всеми нами возиться. Пока вобьешь в голову знание! Ведь попадаются среди нас и сорванцы, и лентяи.

— Это, конечно, правда—ответил Зотов.— Но я доволен своим делом потому, что сорванца можно сдержать, лентяя—подтолкнуть. Так радостно видеть, как знание создает хороших и сильных людей.

— Да, в знании сила! — заметил Спешнев, вспомнив один из висевших в школе плакатов.

— Пора бы и спать, а то мы утреннюю зорю проспим!—сказал Сергей Павлович.— Или может быть, теперь вы расскажете мне свое раннее детство? Начнем хоть с Ильинского. Шурик, расскажи нам, как ты рос и о чем думал?..

В ответ послышалось мерное, ровное похрапывание крепко и сладко уснувшего после всех треволнений Ильинского!..

IV

НА РЕКЕ МЁШЕ

Наступил перелом лета. Раньше спускались сумерки; темнее стали ночи; сильнее становился утренний холодок. Озимые хлеба созрели и кое-где на полях начиналась жатва. По вечерам над Волгой и над лугами уже летали отдельные выводки диких уток, и всю ночь был слышен дразнящий, резкий крик коростеля...

В один из таких дней Зотов исполнил второе обещанье, данное им своим гостям, и отправился с ними в дальнее путешествие на реку Мёшу.

Как и в первый раз, переправились через Волгу и зашагали по пыльной дороге. Итти было легче, чем при экскурсии на Яльчик, так как день выдался прохладный, почти свежий. Дорога пролегла по довольно скучным местам. Она тянулась между распаханными полями черного пара и сжатыми полями ржи. Только на полпути пришлось пройти через молодой дубовый перелесок, где на лужайке решено было устроить привал.

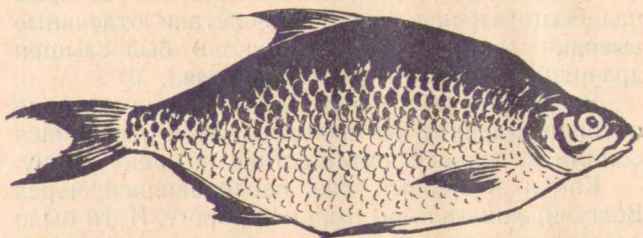
Сергей Павлович рассказывал своим спутникам, что идут они на водяную мельницу, где живет отличный и опытный рыбак Федот Матвеев; что по запруженному выше мельницы течению Мёши водится довольно много разнообразной рыбы, но что главное богатство этой реки составляют лещи и окуни, хотя там попадаются и щуки, и сом, и налим, и голавль.

— Я думаю,—говорил Сергей Павлович—что мы пробудем на Мёше две ночи и устроим две

ночных ловли, так как вы еще ночью рыбы не ловили. Попробуем лучить щук острогой и ловить лещей «на тиньку».

— Что это значит, ловить «на тиньку»?— спросил Спешнев.

— Это местное выражение. Здешние рыбаки говорят «ловить на тиньку» про ночную ловлю

Л е щ.

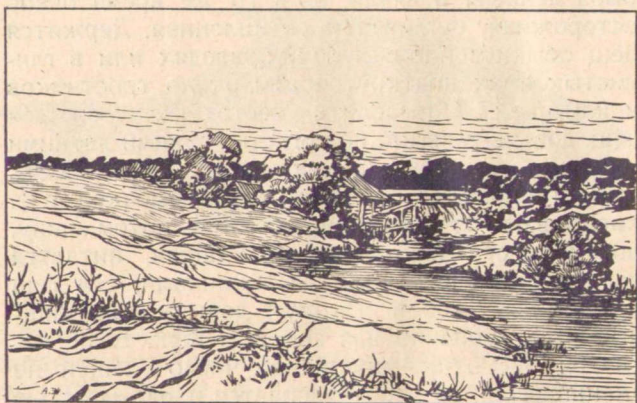
с колокольчиками. Просто привязывают к лёске около самого удилища колокольчик или бубенчик, закидывают на дно удочку или несколько удочек с довольно тяжелыми грузилами и втыкают рукоятки удилищ в прибрежный песок.— Если рыба ночью возьмет насадку на дне, то она дернет лёску, колокольчик зазвонит и даст этим знать рыбаку, что рыба взяла.

— А какая же рыба ночью берет?—спросил Ильинский.

— Главным образом, лещ. Я вам сейчас расскажу, что знаю о леще. Наружный вид леща вы себе, конечно, представляете. Его сплюснутое, широкое тело и маленькая голова резко отличают его от других рыб. Средний вес леща в на-

ших местах около 8—10 фунтов, но в озерах лещи иногда достигают 20-ти фунтов весом. Живет лещ лет десять. Его отличительная черта— это стремление держаться стаями; причем рыбаки уверяют, что у каждой стаи есть свой вожак, который отличается от других лещей и цветом, и формой тела. По характеру лещ рыба ленивая и вялая, но в то же время очень осторожная, пугливая и смышленная. Держится лещ обыкновенно в глубоких заводях или в глинистых ямах под крутоярами около тростников и камышей. Определить место, где держится лещ, довольно легко, потому что тихими летними вечерами лещи поднимаются на поверхность воды и «плаваются», по выражению рыбаков, т. е. высовывают из воды сначала голову, потом спину, потом хвост. Лещ—рыба не хищная, питается водорослями, червяками, да личинками; сам лещ представляет собой лакомую добычу для хищных рыб, особенно для сомов и щук. Если, несмотря на этих хищников, число лещей не уменьшается, то это объясняется плодовитостью леща. Самка мечет около полутора тысячь икринок и о количестве лещей вы можете судить хотя бы потому, что уже издавна в одном только Каспийском море около устьев Волги и Урала промышленники вылавливали в год около 20 миллионов штук, а в Аральском море бывают случаи, когда в один невод попадает зараз до сорок тысяч лещей! Ловить лещей, вследствие их осторожности, довольно трудно. Между прочим лещ отличается тем, что он очень осторожно, концом губ, берет насадку и тихо ведет ее; поэтому поплавок не погру-

жается сразу в воду, а сначала как-бы плывет по воде; рыбаки говорят, что лещ «кладет» поплавок. Самая интересная ловля это именно ночью. Ловля эта возможна потому, что лещ летом кормится круглые сутки. Ночью, особенно когда светит луна, лещ подходит близко к бе-

регу и в этих случаях хорошо разводить на берегу костер, потому что лещ идет на огонь.

— Ну, да все это вы сами увидите. Что вам еще рассказать? Про щуку вы уже знаете, а острогу вам просто покажет мельник Федот.

К концу пути дорога начала постепенно спускаться в долину Мёши. Вдалеке была видна длинная извилистая лента густого тальника, которым поросли берега Мёши, так что тальник закрывал собой вид на самую реку. Потом

показалась мельница, около которой раскинулись громадные, ветвистые ивы.

Мельница стояла на крутом повороте реки и вверх от нее тянулась запруженная, неширокая и тихая Мёша. Ниже мельницы река делала опять крутой поворот и убегала, извиваясь по широким лугам, пока не терялась в далеком лесу.

— Здравствуй, Сергей Павлович! — приветствовал Зотова мельник Федот, когда путники подошли к мельнице.—Я думал, ты в это лето и не придешь. Давно уж заждался. А ты вот собрался, да еще целую команду с собой привел.

— Здравствуй, Федот Матвеич—ответил Зотов.—Да, вот, пришел с молодыми приятелями рыбу половить. Ты уж нам помоги по старой памяти.

— Это мы с удовольствием. И я помогу, и сын мой Костя поможет. Ему хоть всего и тринадцать лет, а он рыбак-то не хуже меня.

— Здравствуй, Костя—сказал Зотов, увидев хорошо ему знакомого мальчика.—Ну, как твои дела? Хорош ли улов?

— Улов нынче средний—ответил за сына Федот.—В этом году много развелось сома. Сильно он лещей и окуней бьет. Костя мой на прошлой неделе у самой плотины жерлицу поставил и попал ему сом больше пуда весом. Жаловаться нельзя—без рыбы не бываем. Положим, надо сказать, что мы тут на мельнице вместе с рыбой живем, так ведь почти круглые сутки ловим: то на удочку, то на жерлицу, то острогой, а то так ботаем на челноке или невод закидываем. Рыба—наша кормилица.

— Отчего здесь так много рыбы? — спросил Ильинский.

— Оттого, что здесь мельница — ответил Сергей Павлович. — Еще Аксаков сказал: — «Где мельница — там рыба». Да это и понятно. Мельница дает в воду массу хлебных отбросов, а главное, она запрудой поднимает вверх по течению уровень воды, замедляет течение и помогает развиваться подводной растительности. Около мельниц обыкновенно бывает хороший улов.

— А как же, дядя Сережа, — спросил Спешнев. — Помнишь, старый рыбак на Волге Данила говорил, что мельницы и плотины мешают рыболовству?

— Это верно — ответил Зотов. — Но это, так сказать, в конечном итоге. Мельница, разумеется, заграждает рыбе свободный ход по реке и мешает ей нереститься. Но ведь без мельниц мы обойтись не можем; а раз мельницы есть, то они сами по себе все-таки стали местами скопления рыбы.

Ушедший в избу Федот вышел к Зотову, сидевшему с молодежью у плотины, и позвал всех в избу.

— Соловья баснями не кормят! — говорил он. — Хозяйка моя самовар поставила. Попьем чаю и сговоримся насчет ловли.

Все прошли в избу, кроме Ильинского, который ушел с сыном мельника на мельницу. Он хотел сразу все осмотреть, узнать и понять и с любопытством вслушивался в незнакомые ему слова: бегун, веря, лежняк, поддон...

— Такой маленький — с завистью думал Ильинский про сопровождавшего его мальчика —

а решительно все знает. И рыбак, говорят, хороший. На будущий год и я тоже буду хорошим рыбаком.

Напившись чая, решили пойти удить недалеко от мельницы просто с берега в камышах.

— Пойдите на омут около старой рябины, — посоветовал Федот — там на этой неделе голавль

хорошо брал. Да чего вам пешком итти: берите лодку, она у меня хоть и плоскодонка, а трех человек хорошо держит.

Зотов и оба мальчика сели в лодку. Зотов взял кормовое весло и они медленно поплыли против течения вверх по запруженной Мёше. Проехав около версты, решили, что Спешнев останется в лодке у берегового камыша и будет удить с лодки, а Зотов и Ильинский пройдут,

по совету Федота, к омуту у старой рябины и попробуют ловить голавлей.

Посчастливилось только Сергею Павловичу. Дойдя до омута, он после долгих поисков поймал бабочку, снял с лёски и поплавков, и грузило и насадил бабочку на крючок. Ильинский стоял рядом с ним и смотрел на ловлю.

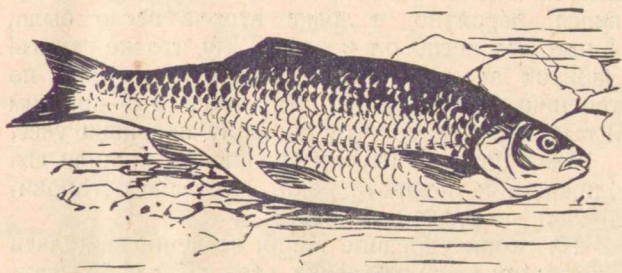
Став на камне около самого берега, Зотов сильным взмахом, подобно пастуху, замахнувшемуся длинным кнутом, вскидывал удочку и далеко закидывал легкую лёску. Бабочка едва касалась поверхности воды и тогда Зотов медленно тянул к себе лёску, так что получалось впечатление, будто бабочка плывет по воде.

Долго ничего не удавалось Зотову, но он настойчиво, раз за разом, закидывал лёску все таким же сильным взмахом, про который рыбаки говорят «ловить нахлыстом». Наконец, при одном из взмахов, бабочка едва коснулась поверхности и исчезла в воде. Зотов сделал сильное движение рукой и в то же мгновение над водой взвился и затрепетал в воздухе, сверкая золотистой чешуей, попавшийся на удочку голавль. Он метнулся в воздухе, упал в воду и долго сопротивлялся; но Зотов упорно водил его «на кругах», пока не вытащил утомленную рыбу на берег.

Когда Зотов вытащил рыбу, Ильинский подошел к нему и стал рассматривать пойманного довольно крупного золотистого голавля.

— Это голавль—объяснил Сергей Павлович.— Рыба тоже очень распространенная. Она достигает веса в 5—6 фунтов. Держится исключительно на песчаном дне, в каменистых местах, совершенно противоположно язю. Рыбаки гово-

рят:—«где поймал язя, там голавля не выловишь». Оригинально, что голавль питается, меняя пищу в зависимости от времени года: весной—червями, майскими жуками и насекомыми; летом—раками, поденками, кузнечиками; осенью лягушками и мелкой рыбой. Ловить голавлей очень трудно

Г о л а в л ь .

потому, что это, пожалуй, самая осторожная рыба; она берет на удочку, под осень на жерлицу, а днем ее лучше всего ловить так, как я сейчас ловил—«нахлыстом».—Ну, больше одного голавля подряд не поймаешь.—Это старое наблюдение. Пойдем-ка, Ильинский, к Юрию. У него там в лодке наша провизия; не знаю, как тебе, а мне сильно есть хочется.

Когда Зотов и Шурик дошли до поворота, где Спешнев остался ловить с лодки, то оба остановились в изумлении.

Ни лодки, ни Спешнева не было.

У берега были видны смятые и поломанные камыши, в которых стояла лодка, а на самом берегу было брошено кормовое весло.

— Где же Юрий? Уж не утонул ли он? — испуганно спросил Ильинский.

— Ну, почему же утонул? — возразил Зотов. — Если бы он утонул, то хоть лодка бы да осталась. Куда он делся, чудак эдакий, и к тому же без весла!? Вверх он не плыл, иначе он бы мимо нас проплыл. Значит, он на мельницу отправился. Вероятно, в лодке второе весло было, а про это весло он и забыл. Ну, что же делать! Забирай весло и пойдем вдоль берега вниз по течению. Мы еще до мельницы его догоним и выберем за то, что он нашу провизию увез.

Едва Зотов и Шурик Ильинский прошли два ближайших поворота реки, как оба остановились и весело засмеялись.

На самой середине Мёши медленно двигалась по тихому течению лодка «без руля и без ветрил». На дне лодки, широко раскинув руки, сладко спал Спешнев. Около его головы стояла желанная корзина с провизией и из нее аппетитно торчало горлышко бутылки с молоком.

— Экая соня! — смеялся Зотов. — Он наверное задремал у берега, да как стал во сне шевелиться, так лодка и сползла из камышей.

— Юрий, Юрий! Проснись! — кричал Ильинский.

Но Юрий ничего не слышал. Солнышко так нежно его пригревало; легкий ветерок гнал по реке мелкую зыбь, и он спал в лодке, как в удобной детской люльке.

Никакие крики не могли разбудить Спешнева. Тогда Зотов взял небольшой комок земли и, прицелившись, бросил в Спешнева. Удар землей пришелся Юрию прямо в грудь. Он лениво открыл

A. 7.

глаза, сладко потянулся и, окончательно очнувшись, испуганно сел на дне лодки.

Увидав смеявшихся над ним Зотова и Ильинского, Спешнев растерянно спросил:

— А как же я сюда попал?!

— Это тебе лучше знать—смеялся Зотов.— А вот, как ты обратно к берегу без весла попадешь, этого уж я не знаю.

— Дядя Сережа, ты брось мне весло — просил Юрий, увидав, что Зотов держит весло в руках.

— Нет, брат; если я промахнусь, то у нас и весло уплывет, и тебя мы не поймаем. Ну, уж постой, так и быть сейчас тебя выудим.

Зотов размотал бичевку жерлицы, привязал к бичевке камень и сильным взмахом перекинул бичевку через лодку. Камень перелетел дальше лодки и бичевка удачно перекинулась через оба борта.

— Хватай бичевку и подтягивайся!—командовал Зотов.

Спешнев подобрал бичевку и лодка стала бочком приближаться к берегу.

— Сома поймали, сома поймали!..— издевался над Спешневым Ильинский.

Когда лодка пристала к берегу, Зотов втянул ее за нос в камыши, Спешнев соскочил на берег и все трое принялись с удовольствием за немудреный завтрак.

— Юрий крепко выспался — дразнил его Ильинский. — Он теперь за ночь всех лещей в Мёше переловит.

Насытившись, рыбаки сели в лодку и вернулись на мельницу, где рассказанное ими проис-

шествие со Спешневым доставило большое удовольствие сыну мельника Косте. Он самым серьезным образом спросил Спешнева.

— А рыбы ты много наловил?

— Да ни одной—смеясь, ответил Спешнев.— Я еще и удочек не размотал; как только остался один в лодке, так после дороги ко сну стало клонить, что я верно сразу же и заснул.

— Вот так рыбак! — забавлялся маленький Костя.— С Волги на Мёшу пешком ходит, чтобы в лодке поспать!

— Ничего, ничего—утешал Зотов.— Юрий ночью не то, что леща, а пудового сома поймает.

Когда совершенно стемнело, Зотов, Спешнев и Ильинский взяли удочки с колокольчиками и пошли берегом вверх по течению к глубокому омуту, который звали «Татарская яма», потому что там когда то татарин-рыбак утонул. Вместе с рыбаками пошел на ловлю и сын мельника Костя, который обещал показать им хорошее место для лова.

На песчаном берегу над омутом, под довольно крутым обрывом, все четыре рыбака начали устраиваться на ночь. Натаскали с луга сухих сучьев, и Костя очень быстро развел огонь. На противоположном берегу два местных рыбака тоже налаживали костер и в полной тишине готовились к ловле.

Ночь стояла тихая, теплая. Темное небо было заткано массаами сияющих звезд, узкой полосой перекинулся через небо мягко светившийся млечный путь и поднимавшаяся над лугами луна серебрила тихо плывшую к мельнице водную гладь.

Зотов объяснил, как надо насадить червей; сам закинул первые две удочки и воткнул в песок длинные, гибкие удилица.

Постепенно на обоих берегах ярко разгорелись костры и осветили сидевших по обе стороны реки людей и воткнутые перед ними

длинные, словно копья, удилица. Казалось, будто стража охраняет покой уснувшей реки...

Сначала все было тихо. Вдруг в неподвижном воздухе отчетливо зазвонил колокольчик. Сразу трудно было понять, на которую удочку берет рыба. Потом одно из удилиц Ильинского начало дугой гнуться к воде. Ильинский схватил удилице и через минуту жирный лещ беспомощно бился на песке.

Среди ночи одна из удочек Спешнева зазвонила сильно и быстро, и вдруг удилище упало на песок и удочка стала сползать в воду.

— Хватай, хватай, Юрий!—шептал Ильинский.

Спешнев почти упал на песок и потянул удочку.

— Не сильно тяни: дай взять, как следует—подсказывал вполголоса Сергей Павлович.

Наконец, Спешнев вытащил довольно крупную рыбу, хотел снять ее с крючка и неожиданно с отвращением бросил ее на песок.

— Фу, какая гадость! Какая она противная, скользкая и липкая, как лягушка!—шептал он.

Костя подошел к Спешневу и поднял с песка брошенную им рыбу.

— Ого, да это сомёнок!—сказал он.—Фунта на три—не больше, а это редко, чтобы сомята вместе с лещами ночью попадались.

Несмотря на то, что сомёнок был небольшой, Спешнев все-таки торжествовал. Он поймал первого сома за лето.

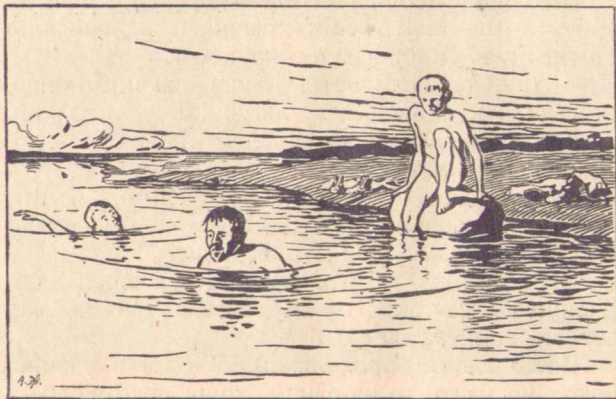
Потом ловля продолжалась долго и удачно. Довольно часто то на одном, то на другом берегу реки слышался звон колокольчика и потом начинала плескаться в воде пойманная рыба.

Увлеченные ловлей рыбаки решили, что пора кончать, только тогда, когда рыба совершенно перестала брать и когда за лугами показалась бледная полоска рассвета.

V

НОЧЬЮ С ОСТРОГОЙ.

Солнце стояло уже очень высоко, когда уставшие рыбаки на следующий день проснулись. Они

устроились на ночь в сенном сарае у мельницы и так хорошо спалось в мягком, душистом сене!

Несмотря на прохладное утро, все пошли купаться на тихую Мёшу, а потом пристроились под окном избы Федота, над самой рекой, и с удовольствием пили горячий чай.

Спешнев хвастался пойманным им сомёнком и даже принес его с погреба, чтобы показать мельнику Федоту, который снисходительно взглянул на рыбу и сказал:

— Это для сома мелочь. Авось еще когда-нибудь и настоящего сома поймашь.

Сергей Павлович стал рассказывать вовремя чая, что такое сом.

— Сом — говорил он — родственник щуки. Ученые относят как сома, так и щуку, к одному семейству. Отличительная черта многих рыб этого семейства это полное или почти полное отсутствие чешуи. У сома, например, тело совсем голое, лишенное всякой чешуи. Вот почему Спешнев с таким отвращением бросил сомёнка, когда его поймал. Действительно, эти рыбы на ощупь очень противны — они слизистые, липкие. По своим размерам сом значительно превосходит щуку; его средний вес от двух до четырех пудов, но, например, в Днестре отдельные сомы достигают двадцати пудов веса. Зато в отношении долговечности щука перещеголяла сома, так как предельный возраст сома наука определяет в сто лет. Сом был бы, конечно, самым страшным хищником наших рек, если бы он обладал подобно щуке проворством и смелостью. К счастью этого нет. Сом — неуклюжая и неповоротливая рыба, и это спасает от него много жертв. Держится сом в глубоких ямах и живет в них очень оседло, выбирая места, где нет мутной воды, которой сомы не переносят. Выходят сомы на реку только для того, чтобы покормиться; остальное время сом лениво отдыхает в своей яме. Только во время грозы сомы проявляют сильное беспокойство; они всплывают на поверхность и бесцельно мечутся взад и вперед, а потом, когда непогода стихнет, опять возвращаются в ямы. Размножение сомов или,

A. 7.

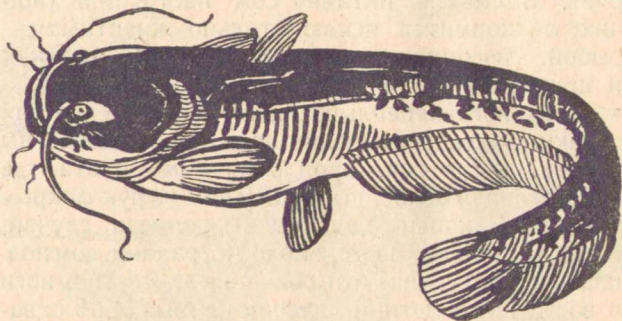
вернее, их образ жизни во время нереста очень своеобразен. Самцы ходят стаями за самками, пока самка не выберет себе самца, и тогда пара уходит куда-нибудь в тихое место реки или озера. Там самка грудными плавниками вырывает на дне яму глубиной до полусажени. В эту яму самка кладет икру, а самец ее оплодотворяет. В смысле питания сом настоящий хищник: он кормится исключительно животными — рыбой, лягушками, раками. Но, так же, как и щука, сом ест и утят, и гусенят и даже хватает за ноги переплывающего реку теленка или собаку. Сомы чрезвычайно прожорливы: известны случаи, когда сом, проплывая мимо плота, где бабы стирали белье, вырывал у них из рук мокрые тряпки. Наконец, однажды был описан случай, когда на нашей Волге, около Астрахани, сом подплыл к плоту, на котором сидел, свесив ноги в воду, 11-ти летний мальчик-калмык. Сом схватил его за ноги и увлек на дно, но, конечно, подавился и вместе со своей жертвой всплыл на поверхность воды. — Ловят сомов или на очень крупную жерлицу или острогой, но есть еще один способ ловли — это так называемое «клоченье». Этот способ в наших местах почти не применяется, а потому я не буду вам о нем рассказывать.

— Знаете, Сергей Павлович, — сказал Ильинский — хорошо, что Юрий поймал маленького сомёнка, а то с большим ему бы пожалуй и не справиться.

— Ну, на наши удочки — заметил Зотов — большого сома не поймаешь. И то удивительно, что твой сомёнок взял на червяка. Это не часто бывает.

— А что, люди едят сомов?—спросил Ильинский.

— Только очень молодых. Вот только таких, как пойманный Юрием. У взрослого сома мясо очень противное, приторное. Но сом все-таки полезная рыба. Его жиром смазывают кожу, а из его пузыря получается хороший рыбий клей.

С о м

Мельник Федот очень внимательно слушал весь рассказ Зотова. Когда Зотов кончил, Федот шуточно заметил:

— Ты, Сергей Павлович, так складно рассказываешь, точно по книжке читаешь.

— Так ведь я все это не из своей головы выдумал,—ответил Зотов.—Про все это именно в книжках и написано. Есть целая наука, которая рыб изучает. Эту науку теперь уже и в школах преподают.

— Интересно бы такую книжку почитать—заметил Федот.—Ведь мы с малолетства рыбой занимаемся, авось что-нибудь новое узнаем.

— Я тебе с удовольствием такую книжку дам—сказал Зотов.—Будешь зимой в городе—зайди ко мне. А вот теперь, Федот Матвееч, ты вместо меня молодым рыбакам расскажи, что такое острога; им ведь ночью ехать в первый раз, так пусть они сначала острогу хоть посмотрят.

— Я в прошлом году один раз ездил по Кокшаге с острогой—заметил Ильинский.—Но я не ловил, а только смотрел.

— Ну, так вот ты сегодня сам попробуй, раз уже у тебя и опыт есть. Так, пожалуйста, Федот, покажи нам острогу.

Федот сходил в сарай и вернулся оттуда с острогой.

— Вот она—острога!—сказал он.—Просто железная вила с частыми острыми зубьями, и на каждом зубе зазубрины. Видите, она насажена на жердь в добрую сажень длиной. Эту жердь по нашему называют «ратовище». Как поедет лучить, гребец на корму садится и одним веслом кормовым сзади лодки гребет, а рыбак у носа становится—острогу держит. К носу железную жаровню приделывают: «коза»—называется. Сложишь на «козе» смольё—пни сосновые—пояснил Федот—разведешь огонь—лодка идет потихоньку, а огонь-то с «козы» всё кругом освещает. Реку до самого дна видать. Рыбак и глядит в воду; как увидал, что впереди в воде подходящая рыба стоит, так сейчас потихоньку конец остроги в воду опустит, только не прямо, а наискось, и на рыбу наводит. Как поровнялся с рыбой, так и ударь. Сильно, только без шума. А как ударил, так еще и дожди, чтобы крепче взять! Вот тебе и рыба!

Федот поднял острогу кверху и потряс ею в воздухе, будто он уже и в действительности рыбу залучил.

— Когда я рассказываю—сказал Сергей Павлович, — то выходит, по твоим словам, точно я по книжке читаю. А вот ты как рассказываешь, так оно на картинку похоже.

— Да что ж, Сергей Павлович, — ответил Федот—рассказать-то не мудрено, когда каждый год этой самой ловлей занимаешься. А только я вот еще что скажу. Поехать-то мы сегодня поедem и я с вами отправлюсь, а только удачи не ждите.

— Почему?—спросил Ильинский.

— Потому что рано еще. Лучить хорошо под самую осень, когда хлеб с полей уберут, трава на дне ляжет и вода просветлеет. Теперь редко, когда удача бывает.

— Ну, что же делать — заметил Зотов.— Все равно, ты уж с моими молодыми рыбаками попробуй, а я опять на лещей пойду.

— Ладно, попробовать можно—ответил Федот.

— А теперь пойдem—погуляем, — предложил Зотов.—Из ловли сейчас ничего не выйдет, вон какой ветер поднялся на реке. Лишь бы к вечеру стихло.

Зотов и оба мальчика отправились гулять по заливным лугам на берегах Мёши и прогуляли почти до вечера.

Потом вернулись на мельницу и ели великолепную уху, приготовленную женой Федота.

Наконец, наступила долгожданная ночь.

Спешнев, Ильинский и мельник Федот снарядились на ловлю и в полной темноте авгу-

стовской ночи спустились за плотиной на берег реки.

Ильинский сел на корме у весла. Спешнев поместился, сидя на дне лодки, в самой середине, а Федот стал около носа с острогой.

Сильным толчком весла Ильинский отвалил от берега, Федот зажег на «козе» впереди носа лодки сложенное там смольё, и лодка, выйдя ниже мельницы на середину реки, медленно поплыла по течению.

В первые минуты Спешнев совсем забыл о ловле, до такой степени очаровала его торжественная красота окружающего.

Как только разгорелся перед лодкой огонь, берега исчезли во мраке и река казалась безбрежной. Только небольшое пространство воды было освещено вокруг лодки. И в этом пространстве стали видны «прозрачные чертоги» подводного царства. Пестрый, зеленый ковер расстилается по дну: то зеленый мох, то длинные темные стебли травы. Торчащие из воды тростники кажутся какими-то гигантами, и подводным чудовищем представляется громадная, темная, протянувшая к лодке свои голые ветки каряга. То там, то сям неподвижно стоят стайки мелкой рыбы, да иногда в стороне мелькнет очертанье затихшей на ночь щуки или крупного окуня...

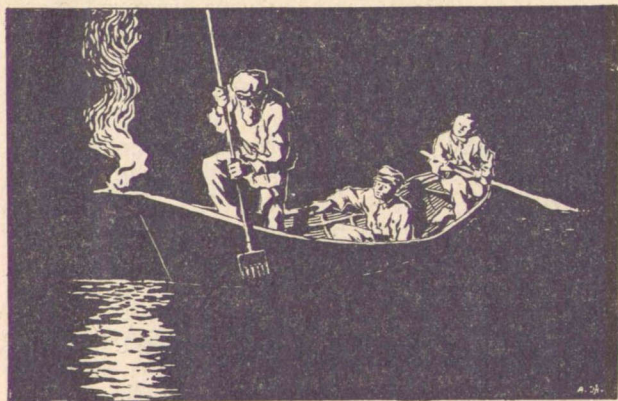
Федот, не отрываясь, смотрел в освещенную глубину реки... Иногда он нагибался и словно прицеливался острогой, потом опять замирал, неподвижно вглядываясь в воду.

Но вот он уверенно наклонил острогу, опустил в воду конец ее и вдруг решительным и сильным и в то же время бесшумным ударом

погрузил в глубину почти все ратовище... еще мгновение и он сбросил с остроги к ногам Спешнева довольно крупную щуку.

— Здорово!—сказал Ильинский.

— Сегодня будет добыча—заметил Федот:— хорошо в воде видно.., Что же—обратился он

к Спешневу—хочешь ты теперь с острогой постоять?

Юрий торопливо встал и поменялся с Федотом местами.

Лодка медленно продолжала двигаться вперед...

Спешнев долго всматривался в глубину, стараясь движениями подражать Федоту.

Сначала ему казалось, что ему не отличить рыбы от травы, но потом он стал вглядываться внимательнее и наконец, заметил, что впереди,

почти перед носом лодки, видно очертанье очень крупной, тихо стоящей рыбы... С замираньем сердца он опустил острогу в воду; выждал и, так же, как Федот, со всего размаха ударил по рыбе...

И вдруг случилось что-то непонятное!.. Лодку так сильно качнуло в сторону, что даже Федот схватился руками за борта. Сам Спешнев сильно покачнулся, чуть не упал и едва удержал в руках острогу. Лодка резко остановилась и стала медленно заворачивать кормой вниз по течению.

— Что такое?.. Что?..—взволнованно спросил Ильинский.

— Ничего!.. Карягу вместо рыбы поймал парень. Это бывает—спокойно и насмешливо заметил Федот.

— Держи, держи ратовище,—продолжал он, вставая,—а ты подгребай,—сказал он Ильинскому—не давай лодке отойти, не то острогу ломаем.

Быстрым движением Федот опустил руку по плечо в воду, ухватил карягу рукой и потянул кверху. Каряга затрещала, переломилась; лодку сильно качнуло в обратную сторону, и смущенный Спешнев поднял в воздухе острогу с насаженной на нее длинной, суковатой веткой.

— Вот тебе и сом!—шутил Федот.

— Эх ты, Юрий, Юрий,—с упреком сказал Ильинский.

Федот сбросил карягу в воду, внимательно осмотрел зубцы остроги и с явным недоверием спросил Ильинского:

— Ну что? Ты теперь счастье пытаться будешь?

Шурик встал и прошел к носу. Федот уселся к веслу, а совершенно растерявшийся Спешнев

смущенно опустился на свое старое место на дне лодки.

Ловля возобновилась.

Когда Федот увидал стоящего с острой Ильинского, он понял, что Шурик, действительно, уже видал ловлю с острой и понимает, как надо с острой обращаться.

— Смолья на «козу» подкинь, да не торопись: с рассудком бей!—сказал он Шурику.

Очень долго стоял Ильинский, заглядывая через борт в воду: «Только бы не осрамиться»... думал он.

Раза два он замечал в воде очертания щуки, но всякий раз решал про себя: «нет, далеко... промахнусь...» и оставался неподвижным.

Наконец, лодка повернула за крутой изгиб реки и Шурик разглядел на дне большую яму, точно провал. У самого края ямы, почти на дне лежала большая рыба и медленно шевелила хвостом. «Сом, кажется, — подумал Ильинский, — а не очень ли глубоко: пожалуй острой не достанешь!».

Но все-таки он решился. Движением руки он показал Федоту, чтобы тот повернул лодку немного вправо; потом опустил острогу, долго целился и, проходя почти над самой рыбой, изо всех сил ударил острой в глубину.

Лодка точно приостановилась на секунду; потом опять двинулась и в то же мгновенье Шурик почувствовал, что «ратовище» дрожит в его руке и в глубине бьется сильная, тяжелая рыба.

— Федот, Федот, помоги!—шептал Ильинский, чувствуя, что он не в силах удержать в руках ратовище.

— Ого!—прошептал Федот.—Это сом!

Он торопливо передал Спешневу весло, сказал ему:

— Задерживай лодку...—а сам перешел на нос, лег на дно лодки и вместе с Ильинским схватил руками ратовище.

Потом повернулся к Спешневу.

— Подгребай к берегу!

Юрий и рад бы был это сделать, но не умел. Оглянувшись, он заметил, что лодка проходит мимо густого камыша и торопливо схватил его длинные стебли рукой.

Лодка остановилась и Федот, поняв в чем дело, сказал Спешневу:

— Намотай камыш на руку и крепко держи...

Спешнев наблюдал, как Федот и Шурик, лежа на дне лодки на животах, пытаются поднять ратовище. Их руки были по плечи погружены в реку, а длинная борода Федота касалась воды.

— Тише, тише, ратовище сломаешь—шептал Федот.

— Не поддать-ли лодку вперед?—спрашивал вполголоса Ильинский.

— Эх, надо было с собой веревку с поплавком взять — огорчился Федот. — Привязали бы к ратовищу, да и бросили в воду.

Наконец, рыба видимо стихла и перестала рвать ратовище из рук рыбаков.

— Подожди, подожди: пусть замается—шептал Федот.

В тишине было слышно только, как тяжело дышат Федот и Шурик.

— Ну, начинай помаленьку...

И медленно перебирая руками, слегка нагибая ратовище, оба рыбака стали поднимать острогу. Несколько раз ратовище начинало дрожать, потом опять рыба стихала.

Неожиданно Спешнев увидел, как над водой показалось огромное тело грузной рыбы. Федот и Ильинский вместе крикнули:

— Р-раз!..

И тяжелая рыба перекинулась в лодку и длинным мокрым хвостом больно ударила по лицу Спешнева. Он от неожиданности выпустил из рук камыши и лодка выплыла на середину реки.

Сом слабо, но все-таки двигался. Федот вынул нож, разрезал ему горло и рыба, содрогнувшись, затихла.

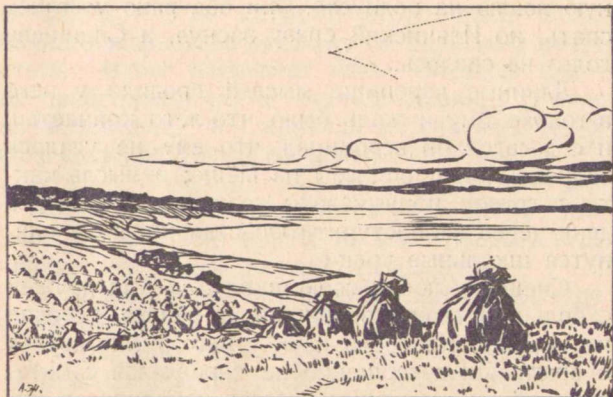
— Шабаш — сказал Федот. — Повезло тебе, малый: за этот год в первый раз такую штуку залучили. Ведь, сом-то будет пуда на два — не меньше. Теперь поворачивай к мельнице. Вон, мы точно искупались. Насквозь мокрые..

Спешнев уступил свое место у весла Федоту, а сам скорчился около мокрого, противного сома.

Лодка стала подвигаться против течения. Смольё погасло. Казалось сначала, что кругом непроглядная тьма. Потом глаза привыкли к темноте и за поворотом можно было различить слабо освещенную луной мельницу и окружающие ее громадные ивы.

VI КОНЧИЛОСЬ ЛЕТО

Наступил конец лета. Все реже и реже про-
бегали по Волге баржи; давно уже не было видно
плывущих плотов, сплав кончился и Волга гото-

вилась к осеннему затишью. Прибрежный лес
стал пестреть и красным, и желтым узором. По
утрам стало холодно и далеко в небесах послы-
шалось первое курлыкание отлетавших на юг
журавлей.

Погода часто хмурилась; вместе с ней хмури-
лось и общее настроение.

Сытая рыба уже не так жадно брала на удочку
и ловля как-то сама собой затихала.

Приближался день отъезда в город. Не было больше новых впечатлений, переживались только хорошие воспоминания.

Накануне отъезда все обедали в комнате. В саду было холодно.

Под вечер пошел мелкий, косой дождь, и казалось, наступила уже настоящая осень.

Спешнев и Ильинский решили все-таки в день отъезда встать пораньше и устроить прощальную ловлю на подпуска. Они оба рано улеглись спать, но Ильинский сразу заснул, а Спешневу долго не спалось.

Длинные вереницы мыслей бродили у него в голове. Ему и жаль было, что лето кончается; и с досадой он вспоминал, что ему не удалось залучить хорошей рыбы на Мёше; и мысль как-то с трудом привыкала к сознанию, что через день, через два наступит городская жизнь и начнутся школьные уроки.

Спешнев любил свою школу; он был дружен с большинством товарищей и учился усердно и успешно. Но среди наук у него были друзья и враги. Он совершенно не справлялся с математикой—и с младших классов находился в состоянии непрерывной войны с арифметикой. Он падал побежденным в борьбе с наиболее простыми теоремами геометрии и с трепетным ужасом вглядывался в непостижимые складу его ума начатки таинственной алгебры.

Только поздней ночью Спешнев наконец задремал.

В полудремоте ему вспомнился почему-то старый сосновый бор и тихое озеро Яльчик; в голове мелькнули слова:

Когда кругом безмолвен лес дремучий
И вечер тих...

Потом мысли спутались и Спешнев заснул.
Ему снился какой то странный сон:

Он стоит в школе у классной доски. Идет урок геометрии. Надо доказать какую-то теорему, но теорема упрямая и не хочет выходить, и Спешнев чувствует, как бьется его сердце... И вдруг доска куда-то исчезает. Он видит сына мельника Костю, который стоит около мельничного жернова, а рядом луг и крестьяне мечут стога... Вдруг наступает ночь; Спешнев сидит на прибрежном песке над камышами... В воде плещется лещ... и слышится мягкий звон колокольчика над уснувшей рекой...

Было около четырех часов утра, когда Спешнев и Ильинский вышли из дома, чтобы в виде прощальной ловли поставить подпуска.

— Какой туман!—сказал Спешнев.—Это еще в первый раз.

— Да, кончилось лето!—заметил Ильинский.

И оба зашагали от дома к берегу реки.

Над Волгой стоял тот знаменитый волжский туман, при котором, точно по мановению волшебной палочки, замирают на местах бегущие пароходы, баржи бросают якоря, перестают летать чайки и ощупью пробираются к берегам рыбачьи лодки...

Спешнев и Ильинский сели в лодку и очень скоро берег исчез в тумане. Они поставили два подпуска и хотели ставить третий.

— Подождем—предложил Спешнев. — Может быть, по такому туману рыба и брать не будет.

Постоим немного на якоре и вытащим первый подпуск. Если ничего не окажется, то лучше бросить ловлю.

Ильинский согласился и они около часа простояли на месте, лениво перебрасываясь фразами. Было сыро, Спешнев несколько раз хотел предложить ехать домой; потом колебался и думал, что надо еще подождать, чтобы не пропустить улова.

Но вот, первый, словно робкий, солнечный луч прорвался сквозь туман и затем медленно, медленно, словно постепенно открывая гигантскую сцену, туманная завеса стала, волнуясь в воздухе, подниматься кверху над водой... Из-под тумана показалась береговая полоса; потом стали вырисовываться неясные очертания прибрежного леса и разбросанных по горе деревенских изб; точно из воды вынырнул и стоял недалеко, на речной глади, громадный белый пароход; нарушая торжественность покоя скользнула от берега рыбацья лодка и послышался из села рожок пастуха... Еще минута и свет победил предрассветный туман. Солнечные лучи ласковым теплом залили проснувшуюся Волгу и очарованье волшебства исчезло.

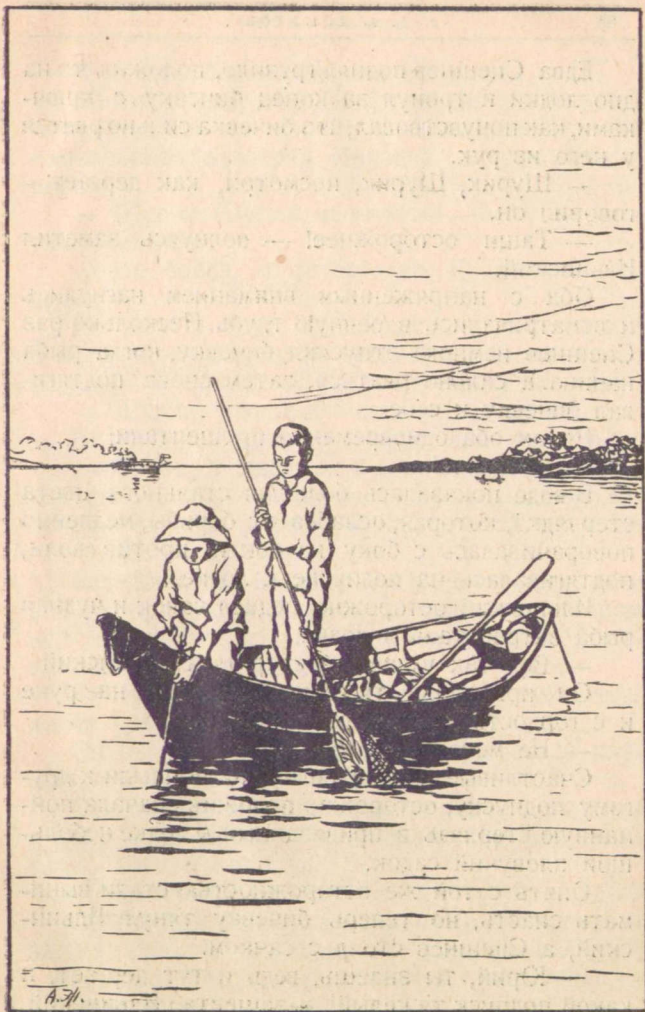
— Как хорошо!.. невольно вырвалось у Спешнева.

— Да, и как жаль уезжать отсюда!—грустно ответил ему Ильинский.

— Теперь я думаю можно посмотреть первый подпуск—предложил Ильинский.

Они сбросили «наплыв» в реку, поплыли к первому подпуску и стали на якорь.

Как и всегда, оба юноши стояли у борта и осторожно начали поднимать со дна грузило.

A. 71.

Едва Спешнев поднял грузило, положил его на дно лодки и тронул за конец бичевку с крючками, как почувствовал, что бичевка сильно рвется у него из рук.

— Шурик, Шурик, посмотри, как дергает— говорил он.

— Тащи осторожнее! — волнуясь заметил Ильинский.

Оба с напряженным вниманием нагнулись и всматривались в речную глубину. Несколько раз Спешнев немного отпускал бичевку, когда рыба начинала сильно рваться, затем снова подтягивал бичевку к себе.

Потом оба одновременно прошептали:

— Стерлядь!..

В воде показалась большая стального цвета стерлядка, которая, ослабев от борьбы, медленно поворачивалась с боку на бок и, против воли, подтягивалась на подпуске к лодке.

Ильинский осторожно подвел сачок и чудная рыба затрепетала в лодке.

— Вот так удача!—восторгался Ильинский.

Он приподнял тяжелую стерлядь на руке и с гордостью победителя объявил:

— Не менее пяти фунтов!

Счастливые и довольные, они поплыли к другому подпуску, осторожно положив сначала пойманную стерлядь в привязанный к лодке небольшой пловучий садок.

Опять с той же осторожностью стали вынимать снасть, но теперь бичевку тянул Ильинский, а Спешнев стоял с сачком.

— Юрий, ты знаешь, ведь и тут дергает, и какой подпуск тяжелый!..—зашептал Ильинский.

И опять обоих охватило волнение.

На этот раз, очевидно, сильная рыба энергично рвалась на крючке, и было заметно, как выскальзывала мокрая бичевка из рук Ильинского.

— Шурик, Шурик, не упусти!—шопотом просил Спешнев.

— Не бойся, я осторожно. Я думаю — это щука.

Но вот в воде показалась крупная рыба с нежной, почти белой чешуей; рыба отчаянно металась и старалась увести бичевку на дно.

— Шурик, что это?—спросил Спешнев.

Но Ильинский, не отвечая, прошептал только:

— Сачок, подводи скорее сачок! Судак...— радостно объявил Ильинский, разглядывая выхваченную сачком рыбу. — Какой громадный, ведь это пожалуй фунтов на семь.

Бережно, как драгоценность, они выпустили рыбу в привязанный к лодке садок, в котором испуганно забилась при встрече с судаком затихшая там стерлядь.

— Ну, едем, едем скорее домой, давай похвалимся удачей—радовался Спешнев.

Он сел на весла и лодка быстро стала двигаться к берегу.

Оба торопливо поднялись по горе и, подходя к дому, уже издали стали поднимать над головами сачки и кричать:

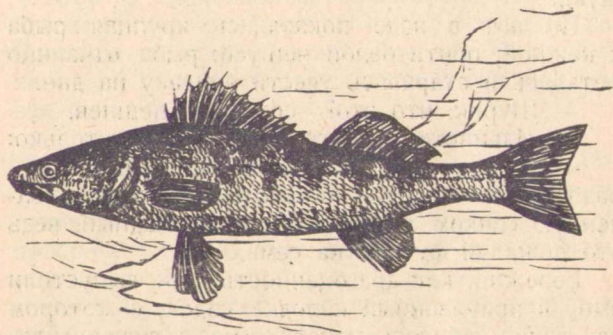
— Смотрите, смотрите!..

Сергей Павлович, сидевший на крыльце, вышел на их крик в палисадник и разглядывал рыб, а мальчишки рассказывали ему все подробности удачной ловли.

Восторгам не было конца. Взвесили рыб на безмене и убедились, что Ильинский почти не ошибся в определении их веса.

Потом, успокоившись, сели в последний раз перед отъездом обедать.

— Дядя Сережа!— приставал к Зотову Спешнев:— ты теперь должен нам рассказать про судака. Ведь за все лето это первый судак.

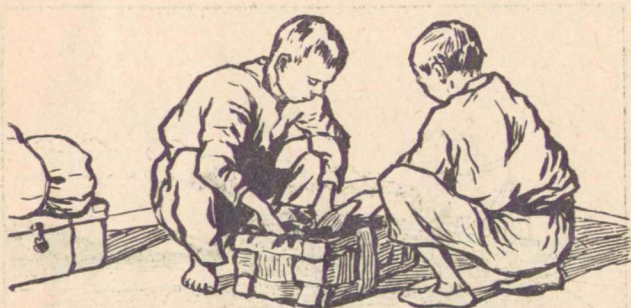
С у д а к.

— Извольте, расскажу вкратце — ответил Зотов.

Но у него не было настроения рассказывать. Он стал говорить, как заученный урок:

— Судак занимает первое место среди наших рыб на рыбных промыслах по количеству его потребления. Средний вес судака фунтов пять, так что вы поймали сегодня в сущности очень крупную рыбу. Отдельные судаки достигают весом и до 25 фунтов, но это уж редкость. Нерестится судак парами—так же, как и сом. Су-

дак—хищная рыба, которая между прочим уничтожает свое собственное молодое поколение. Держится судак на дне, в местах с песчаным дном и обрывистыми берегами. Ловить судака надо под утро и вечером на омутах. Берет судак лучше всего на пискаря и уклейку, потом на

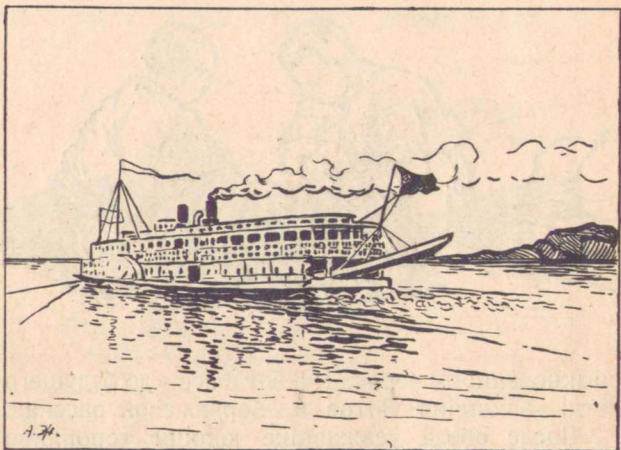
обыкновенного червя. Ну, вот и все—до будущего лета!—закончил Зотов и оборвал свой рассказ.

После обеда уезжавшие юноши торопливо уложили свой несложный багаж и долго возились, упаковывая в корзину, выложенную листьями крапивы, пойманных ими утром рыб, чтобы в свежем виде привести их родным в город и еще раз похвастаться, какими стали они за лето знаменитыми рыбаками.

К шести часам вечера все пошли вдоль села Мантурова на волжскую пристань. Муж и жена Зотovy пошли проводить своих молодых гостей, так как сами они оставались еще недели две в Мантурове.

Как всегда, пришли слишком рано и долго ждали.

Наконец сверху показался пассажирский пароход и стал приближаться к пристани. Начались торопливые прощанья и взволнованные, несвязные слова благодарности.

Пароход остановился, и пассажиры, толпясь и толкая друг друга на сходнях, стали проходить на палубу.

Оба юноши поднялись наверх и с верхней палубы перебрасывались с Зотовыми последними фразами.

Но вот свисток!.. Послышалась команда: «Отдай носовую»!..

Тяжелый канат грузно ударился о воду. Колесо сделало свой первый медленный поворот

и, постепенно ускоряя ход, пароход побежал к середине реки.

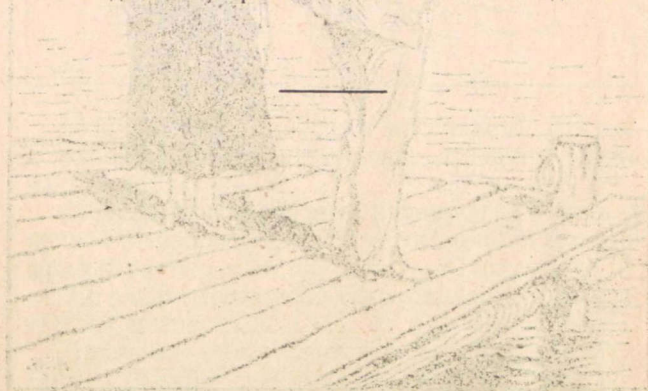
А с верхней палубы еще долго мелькали в воздухе два белых платка, посылавших оставшимся Зотовым прощальный привет удалявшимся юношей.

Сергей Павлович долго смотрел в след убежавшему пароходу. Потом взял жену под руку и сказал ей:

— Пойдем, Наташа.

Они спустились с пристани и пошли по селу.

— Да, кончилось красное лето—грустно говорил Сергей Павлович.— Для нас с тобою, Наташа, и красное лето жизни кончается... Мелькнет бабье лето и подкрадется хмурая осень... А они...— Зотов показал рукой вдаль на чуть видневшийся еще пароход. — Сколько раз они еще увидят в жизни это красное лето!.. Будущее принадлежит им; и сколько у них еще впереди светлого, неизведанного, яркого... Счастливая молодость!..

ИЗДАТЕЛЬСТВО РАДОНСКОГО

РАДОНСКОГО РАЙОНА ПОДВОЛЖЬЯ

Издательство «Радон»

ИЗДАТЕЛЬ М. Д.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

	Стр.
1. Перед ловлей	3
2. Первая ловля	16
3. На озере в глухом лесу	33
4. На реке Мёше	51
5. Ночью с острогой	66
6. Кончилось лето	81

Издательство „РАДУГА“.

ЛЕНИНГРАД. Внутри Гостин. Двора № 71/72. Тел. 483-18.
МОСКВА. Петровка, 20. Телефон 490-76.

Для старшего возраста.

В. М. ГАМАЛЕЙ

КТО СИЛЬНЕЕ.

ПОВЕСТЬ

Содержание: На новом месте.—От слесарства к натурализму.—Редкая находка.—В Ноевом ковчеге.—Неожиданный багаж.—В руках полиции.—По этапам и тюрьмам.—Ночь исповедей.—Ничто не вечно.—Бегство.—В вещуьинной заимке.—Ночное приключение.—Новый подпольник.—В южных дебрях.—В тайнике контрабандистов.—Наука на конюшне.—У подножья Машука.—К старым местам.—Подпольная типография.—Катакомбы.—Предательский пожар.—Эпилог.

224 страницы

С многочисленными иллюстрациями

Е. Ф. Килюшевой.

Цена 2 руб.

Для старшего возраста.

СПАЙКА.

РАССКАЗ

Аркадия ТИВАНОВА

72 страницы

С многочисленными рисунками **В. Тронова**

Цена 55 коп.